

Евгений Степанов

«Не случайно сердце России — простая Москва...»
(Москва Николая Гумилева)

Выведенная в заголовок фраза взята из публиковавшихся в журнале «Аполлон» (1912, № 6¹) «Писем о русской поэзии» и адресована к сборнику стихов Вячеслава Иванова «Cor Ardens. Часть вторая». Гумилев, полемизируя с Вяч. Ивановым, высказывается вполне в духе, видимо, вечных для России суждений о ее месте в мире: «Наиболее чуткие иностранцы убеждены, что русские — совсем особенный, странный народ. Таинственная славянская душа — «l'âme slave» — общее место на Западе. Но они довольствуются описанием ее противоречий. Мы же, русские, должны идти дальше, отыскивая истоки противоречий. Бесспорно, мы — не только переход от психологии Востока к психологии Запада или обратно, мы уже целый и законченный организм, доказательство этому — Пушкин...» Не вступая в полемику по этому вопросу с Гумилевым, отмечу здесь лишь то, что отведя Иванову пространство «Востока», Гумилев завершает свои заметки таким заявлением: «Как же должно относиться к Вячеславу Иванову? Конечно, крупная самобытная индивидуальность дороже всего. Но идти за ним другим, не обладающим его данными, значило бы пускаться в рискованную, пожалуй, даже гибельную авантюру. Он нам дорог, как показатель одной из крайностей, находящихся в славянской душе. Но, защищая целостность русской идеи, мы должны, любя эту крайность, упорно говорить

© Evgeni Stepanov, 2012
<http://www.utoronto.ca/tsq>

¹ <http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook&pid=2440>

ей «нет» и помнить, что не случайно сердце России — простая Москва, а не великолепный Самарканд»².

«Поэтической географии» Гумилев уделяет заметное место в своем творчестве. Банальностью стало упоминание «Музы дальних странствий» рядом с его именем — «...Та, чей мир в святом непостоянстве, / Чье название — Муза Дальних Странствий...»³ Еще осенью 1909 года, бывая на «Башне» Вяч. Иванова, перед своим первым путешествием в Абиссинию, Гумилев, совместно с М. Кузминым и В. К. Шварсалон, решил основать призванное изучать чудеса Земли «Геософическое общество», как бы противопоставляя его, а в чем-то по сути пополняя многочисленные мистические и теософические общества⁴. На эту тему в последние годы выходят публикации, защищаются кандидатские и докторские диссертации⁵. В поэтическом географическом реестре Гумилева читатель без труда найдет страны Азии и Африки, города Италии и Скандинавию, разбросанные по миру реалии разных стран и континентов, при этом почти ни разу не встретив то, что постоянно окружало поэта — его родной Петербург, где он прожил всю жизнь и где нашел смерть, и «простую Москву», где ему приходилось бывать достаточно часто. Почти единствен-

² Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений в 8 томах. Т. 7. М.: Воскресенье, 2006 (в дальнейшем: ПСС—1...8. № произведения. С...). № 43. С. 126—128.

³ ПСС—2. № 12. С. 22. Это строки из «Открытия Америки», «Песнь первая». С «Музой Дальних Странствий» мы встречаемся во всех четырех песнях этой поэмы, дописанной во время второго путешествия в Абиссинию в 1910—11 гг. и вошедшей в сборник «Чужое небо», в стихотворении «Отъезжающему» (ПСС—2. № 100. С. 147) из сборника «Колчан», написанном весной 1913 г., накануне последнего африканского путешествия, а также в написанном в Париже в 1917 году стихотворении «В этот мой благословенный вечер...» (ПСС—3. № 90. С. 154).

⁴ Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм. Исследования и материалы. М., 2000. С. 119—121.

⁵ Тименчик Р. Геософия и Джаграфия // Р. Тименчик. Что вдруг. Иерусалим — Москва, 2009 (в дальнейшем: Тименчик—2009). С. 328—334. Раскина Е. Ю. Поэтическая география Н. С. Гумилева. М., 2006. Раскина Е. Ю. Геософские аспекты творчества Н. С. Гумилева. М., 2009.

ные российские реалии, которые иногда обнаруживаются в его поэтическом наследии — это родовые «Тверские Пены», но и им он уделил значительно меньше внимания, чем часто бывавшая там его жена Анна Ахматова, однозначно определившая их значение в своем творчестве: «Слепнево 1911—1917. Его огромное значение в моей жизни»⁶.

До сих пор не предпринималось почти никаких попыток рассказать обо всех адресах поэта, как петербургских, так и московских. Многочисленные публикации на эту тему, как в виде книг, так и многосерийного «документального» сериала «Безымянные дома» В. М. Недошивина⁷ принять никак не могу, так как в его публикациях (и основанных на них фильмах) почти отсутствуют ссылки на документы, в качестве неопровержимых свидетельств используются не прошедшие «фильтрацию» мемуары, и на отдельные достоверные факты приходится множество мифических, подлинность и авторство которых определить затруднительно. Причем книга касается лишь петербургских адресов. Аналогично, в краткой справочной публикации М. Г. Козыревой и В. П. Петрановского «Основные места, связанные с жизнью и деятельностью Н. С. Гумилева» также не указан ни один московский адрес поэта⁸.

В короткой публикации не представляется возможным описать все места Петербурга и окрестностей, связанные с пребыванием там Гумилева, однако аналогичный рассказ о московских адресах поэта оказался возможен, чему и посвящена эта работа.

С огромным трудом удалось разыскать единственное упоминание Москвы во всем поэтическом наследии Гумилева,

⁶ Записные книжки Анны Ахматовой (1958—1966). «Giulio Einaudi editore». Москва—Torino, 1996 (в дальнейшем: Ахматова—ЗК). С. 137.

⁷ Недошивин В. М. Прогулки по Серебряному веку. Дома и судьбы. СПб., 2005. Есть и более поздние издания книги (последнее — 2011 г.), почти не отличающиеся от первого издания.

⁸ Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. СПб.: Наука, 1994 (в дальнейшем: Исследования-1994). С. 626—631.

и выглядит оно весьма своеобразно, хотя полностью вписывается в придуманную им «геософию». Любопытно, что впервые стихотворение было напечатано в издаваемом в Москве журнале «Москва», № 4 за 1920 год, а потом было включено в последний сборник стихов, который Гумилев держал в руках — «Шатер». Стихотворение это — «Сахара», приведем из него три заключительных четверостишия, в которых Гумилев выступает в духе современной футурологии:

...И, быть может, немного осталось веков,
Как на мир наш, зеленый и старый,
Дико ринутся хищные стаи песков
Из пылающей юной Сахары.

Средиземное море засыпят они,
И Париж, и Москву, и Афины,
И мы будем в небесные верить огни,
На верблюдах своих бедуины.

И когда, наконец, корабли марсиан
У земного окажутся шара,
То увидят сплошной золотой океан
И дадут ему имя: Сахара.

Сборник «Шатер» Гумилев успел издать в июле 1921 года, меньше чем за месяц до ареста. Печатался он во время поездки Гумилева на юг, в Севастополе. Хочется развеять один связанный с ним миф, тем более, что это имеет непосредственное отношение к заявленной теме. Кратко об этой поездке⁹. Орга-

⁹ Рассказ об этой поездке и описания других биографических эпизодов опираются на подготовленную автором «Хронику—1991» (Степанов Е. Е. Николай Гумилев. Хроника. В кн.: Гумилев Н. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1991. С. 344—429) и на книгу «Труды и дни» (Лукницкий П. Н. Труды и дни Н. С. Гумилева. СПб., 2010). Краткие биографические сведения, касающиеся большинства упоминаемых ниже лиц, представлены в комментариях к «Трудам и дням», но при необходимости они здесь будут уточнены. Посвященная этой поездке публикация крымского краеведа А. А. Васильева (Крымский шатер Николая Гумилева. О последнем путешествии поэта — грешит большим числом ошибок и неточностей. <http://gumilev.ru/biography/48/>).

низовал ее В. А. Павлов¹⁰, с которым Гумилева познакомил О. Манделъштам. Павлов свел Гумилева с командующим Морскими силами (коморси) контр-адмиралом А. В. Немитцом¹¹, который взял его в свой поезд, отправлявшийся с инспекторской поездкой на юг, в Крым. Из Петрограда выехали в начале июня. Жил Гумилев во время этой поездки в поезде, в специально оборудованном, видимо, достаточно

¹⁰ Записанные Л. В. Горнунгом, грешащие многочисленными искажениями воспоминания В. А. Павлова опубликованы в книге: Жизнь Николая Гумилева. Воспоминания современников. Л.: Издательство Международного фонда истории науки, 1991 (в дальнейшем: Жизнь Гумилева—1991). С. 204—206. Так как до сих пор все приводимые сведения о Павлове, в том числе и в «Трудах и днях», не соответствуют действительности, а его место в биографии последнего года жизни Гумилева весьма существенно, приведем здесь краткую справку о нем. Заметим, что приводимые им самим сведения о себе, в частности, о «пройденных университетах» и присвоенных ему званиях, вызывают сомнения, и вообще, собственную биографию он многократно переписывал, всегда оставляя в тени те годы, которые представляют для нас наибольший интерес. Владимир Александрович Павлов (8/20.9.1899 — 8.7.1967), как он сам о себе записал в 1929 году (сведения из его личного дела — РГАЛИ. Ф. 985. Оп.1. Ед. хр. 154. Л. 4—8), родился «в семье доцента Московского университета, геолога А. В. Павлова. Учился в реальном училище и прошел полный курс историко-литературного отделения Университета Шаняевского, затем учился в Московском университете на филологическом факультете. <...> С 1917 г. активно начал работать в области театра и театрального просвещения. <...> С 1918 г. поступил добровольцем в Красную Армию и поехал на фронт. <...> В конце 1918 года был командирован с фронта в Москву, где с одной стороны продолжал свое научное образование, а с другой стороны служил в Пленбете. В 1919 г. был командирован в распоряжение Военведа Украины. <...> За организацию первого на Украине праздника 1-го Мая получил благодарность в приказе от т. Н. И. Подвойского. Тогда же <по его распоряжению> был делегирован в Москву на 1-ый Всероссийский Съезд по внешкольному образованию. <...> Читал лекции по истории театра в драматической студии. <...> Был назначен начальником Транспортной части при Главвоздухфлоте. <...> Позднее, в порядке совместительности, был назначен Зам. Пред. Опродкомфлота. <...> Но одновременно, по мере сил и возможностей, неустанно работал по своей основной профессии — по театральному художественному образованию и в области научного изучения театра. <...> За все время службы в Красной Армии имею ряд аттестаций от высшего руководящего состава Красной Армии и флота. Из Опродкомфлота, в момент его реорганизации, был назначен старшим се-

комфортабельном вагоне. Большую часть июня Гумилев провёл в Севастополе. Там познакомился с поэтом, писателем и морским офицером С. А. Колбасьевым, вскоре ставшим одним из героев знаменитого стихотворения «Мои читатели»¹². Благодаря участию Колбасьева, Гумилев совершил плавание на военном корабле до Феодосии, где случайно встретился с М. А. Волошиным¹³, с которым не общался со времени дуэли в ноябре 1909 года. Бывал и в других местах Крыма, в частно-

кретарем Командования Морскими силами, однако работу в театре не покидал, и тем более самостоятельную работу по изучению театра и литературы». На этом прервем цитату из этого многословного, явно фанфаронского автобиографического документа, напищенного трудно расшифровываемыми аббревиатурами, из которого можно понять, что в 1920 году В. А. Павлов был назначен секретарем при Командующем Морскими силами (тогда — коморси) А. В. Немитце (о нем — ниже). Именно с этим назначением связано то, что Гумилев попал в 1921 году в Севастополь. Упомянутые выше воспоминания Павлова записаны Л. В. Горнунгом, охарактеризовавшим его как «...брюнет в пенсне, с неприятным и резким голосом, с сумбурной речью, по первому впечатлению он не вызвал симпатии». К моменту знакомства с Гумилевым в 1921 году Павлов выпустил первый и единственный сборник стихов (Вл. Павлов. Снежный путь. Стихи. М., 1921). Стихи примечательны лишь тем, что многие из них снабжены посвящениями, никак не связанными с их содержанием — А. Блоку, Вяч. Иванову, С. Богомазову, семье Немитц и др. Надо думать, сборник этот он подарил и Гумилеву. Жил Павлов в Москве по адресу — Тверской бул., д. 9. По сведениям С. М. Богомазова (о нем — ниже), Гумилев в Москве останавливался у Павлова, однако по другим документам это не соответствует истине. Заходить к нему домой во время остановки в Москве в 1921 году Гумилев мог, но сам Павлов в своих воспоминаниях об этом не упоминает.

Кратко о его дальнейшем, весьма своеобразном жизненном пути. Как он пишет о себе, в 1921 г. его назначили ученым секретарем Тео Наркомпроса, в 1922—1923 гг. — заведующим администрации отдела выставки «Красная Москва» и Музея Революции. До 1923 г. находился в распоряжении Штаба РККА, только в 1923 г. был демобилизован и окончательно откомандирован в гражданское ведомство. В 1920—30-е годы работал в различных издательствах, публиковался в периодической печати, издавал «научные труды» по теории театра, читал лекции и делал доклады. В 1925 г. ездил в командировку в Германию, «где читал доклад о Советском театре, в частности, о театрах Мейерхольда и Пролеткульта». С 1928 года занялся сбором материалов по истории Московского Художественного театра. Сохранилась его переписка за 1938 год с В. Д. Бонч-Бруевичем

сти, в Ялте. Вернувшись в Севастополь, повидался с матерью Ахматовой И.Э. Горенко и ее сестрой Ией, от них узнал о смерти брата Ахматовой Андрея. Именно Колбасьев организовал издание в Севастополе сборника «Шатер». Однако нельзя полностью согласиться со следующим утверждением Лукницкого: «Во время пребывания в Севастополе издал под маркой «Цеха поэтов» сборник стихов «Шатер» в количестве 1000 экземпляров. Уезжая из Севастополя, взял с собой не-

и Н. К. Крупской (РГАЛИ. Ф. 369. К. 166. Ед. хр. 51. Л. 47—48), характеризующая его «творческий» подход к истории МХТа. В письме к Крупской от 27.1.1938, подписанном — «Профессор Вл. А. Павлов», он пишет ей: «Я был бы приятно счастлив получить некоторые уточняющие сведения о взглядах и впечатлениях Владимира Ильича о МХТ...» Но как выяснилось, его интересы не ограничивались «теорией театра». Одновременно он освоил профессию скульптора. По воспоминаниям хорошо его знавшего С. М. Богомазова, записанным с его слов в 1960-е годы Н. М. Иванниковой, в 40 лет он выхлопотал себе звание пенсионера союзного значения и занялся скульптурой, в частности ваял маршала Жукова. Его занятия скульптурой подтверждаются письмами. Как пенсионер, он избежал призыва в армию, и 30.6.1942 г. писал из Казани Г. В. Жидкову (РГАЛИ. Ф. 2322. Оп. 1. Ед. хр. 215. Л. 1), что подготовил для выставки скульптурную серию героев противовоздушной обороны Москвы. В РГАЛИ (Ф. 2326. Оп. 1. Ед. хр. 210) сохранилось его письмо, адресованное скульптору В. И. Мухиной и датированное 14 марта 1953 года. Просмотреть его не удалось, так как личный архив Мухиной закрыт родственниками. Его дальнейшую судьбу удалось проследить по подготовленному ГТГ каталогу скульптуры (Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Скульптура XVIII—XX веков (в трех томах). Т. 2. М., 2002. С. 353). В изложенной там биографии, с одной стороны, множество «купюр», но с другой стороны, ряд новых, ранее не упоминавшихся фактов биографии, в частности, то, что 1920-е годы он был учеником В. Д. Поленова и А. Т. Матвеева, занялся художественным творчеством, окончил аспирантуру при ГАХН (1928 г.), был действительным членом Государственной Академии искусствоведения. В 1940-е годы обратился к работе в скульптуре. Действительно, в каталоге ГТГ (№ 1332) воспроизводится одна из его работ — скульптурный портрет физиолога академика Л. А. Орбели. Очевидно, что В. А. Павлов, человек безусловно талантливый, из конъюнктурных соображений неоднократно «переписывал» свою биографию, каждый раз «вписываясь» в свое время...

Завершая рассказ о Павлове и возвращаясь к интересующему нас периоду, следует отметить, что именно в Москве он познакомился с О. Мандельштамом, скорее всего, в марте 1921 г. В связи с этим Павлов кратко упо-

большое количество экземпляров «Шатра» (20—30), а весь тираж оставил С. А. Колбасеву, который привез их в Петроград несколько позже»¹⁴. Очевидно, что ни одного экземпляра Гумилев с собой не взял, так как сверстать и отпечатать книгу при Гумилеве было невозможно (потому в книге множество ошибок и опечаток — Гумилев, видимо, не держал в руках даже верстку), и весь тираж привез в Петроград Колбасев вряд ли ранее 20-го июля. Об этом говорят многочисленные

минается во «Второй книге» Н. Я. Мандельштам, причем она называет только его фамилию. Но приводимые ею сведения о том, что «адмирал Немитц сам взял к себе Павлова, чтобы спасти юношу из «хорошей семьи»» — не соответствуют действительности. Возможно верно то, что Немитц направил Павлова в Петроград, чтобы пригласить Гумилева в поездку в Крым, но приводимые сведения, касающиеся самого Мандельштама — «узнал, что в Ленинград едет от Немитца человек приглашать Гумилева в Крым, и попросил раздобыть и для него билет в штабной вагон. Павлов исполнил просьбу, и Мандельштам съездил в Петербург проститься с отцом перед «экспедицией» на Кавказ» — не соответствуют действительности. Впрочем, как и большая часть изложенной во «Второй книге» информации, о чем наглядно свидетельствует Л. К. Чуковская (Чуковская Л. К. Дом поэта // Л. Чуковская. Сочинения в 2 т. Т. 2. Москва: Арт-Флекс, 2001. С. 5—238).

¹¹ Александр Васильевич Немитц (26.7/7.8.1879, Бессарабия — 1.10.1967, Ялта) родился в семье мирового судьи. В 1899 году окончил с отличием Морской кадетский корпус и начал службу на Черноморском флоте. С 1907 года — штаб-офицер Морского Генерального штаба. В начале первой мировой войны Немитц (в то время капитан II ранга) был штаб-офицером Черноморской оперативной части Морского Генерального штаба и с начала войны был отправлен в Ставку Верховного Главнокомандующего. В 1915 году был назначен капитаном канонерской лодки «Донец». Командовал 5-м дивизионом эскадренных миноносцев, затем 1-м дивизионом эскадренных миноносцев, минной дивизией (1917). В 1915 году женился на Анастасии Александровне Врубель (1877—1932) — сводной сестре художника М. А. Врубеля. Недавно Третьяковская галерея приобрела выполненный художником ее портрет — www.museum.ru/N16280. 20 июня 1917 г. А. В. Немитц был назначен командующим Черноморским флотом, сменив на этом посту адмирала Колчака, а в августе 1917 г. Временным правительством ему был присвоен чин контр-адмирала. Вскоре после Октябрьской революции перешел на сторону советской власти. Старался поддерживать флот в боеготовом состоянии, проводя боевые походы и учения. 6 февраля 1920 года на заседании политбюро ЦК РКП(б) с участием В. И. Ленина Немитц был назначен командующим Морскими силами Республики. На этой должности позна-

дарственные надписи на сборниках, подаренных Гумилевым разным лицам, самая ранняя проставленная дата — 21 июля. Причем все сборники подарены исключительно питерцам. А ведь Гумилев, покинув Севастополь с тем же поездом в конце июня (якобы с книгами), на обратном пути сделал короткую остановку в Ростове, где встретился с труппой местного театра, поставившего его пьесу «Гондла» (сохранились воспоминания участников этой встречи¹⁵), а затем, в начале июля, поезд почти на пять дней задержался в Москве. Об этом

комился с Гумилевым и взял его с собой во время поездки в Крым в июне 1921 года. В Москве проживал по адресу: Брюсовский пер., 10/1. Возможно, Гумилев в 1921 году бывал у него дома по этому адресу.

С 1922 года А. В. Немитц работал в Реввоенсовете (РВСР) в Москве. Поражительным образом его обошли все катавасии 1930-х годов, несмотря на то, что ему в свое время покровительствовали Л. Троцкий и Ф. Раскольников. В партию он никогда не вступал. Занимался преподавательской деятельностью в военных академиях — был профессором кафедр стратегии и тактики Военно-морских и Военно-воздушных академий. Еще до революции им был издан ряд трудов по русско-японской войне. Входил в состав различных военных комиссий и ведомств. С 1930 года — заместитель инспектора ВМС РККА. 17 февраля 1936 года ему присвоено звание флагмана 1-го ранга, а 25 мая 1941 года — звание вице-адмирала. В 1944 году награжден орденом Ленина, ранее — двумя орденами Красного Знамени. С 1947 года в отставке. Написал книги «Работа Морского Генерального штаба» и «Недавнее прошлое русского флота по личным воспоминаниям», которые так и не были изданы. Жил вначале в Севастополе по адресу Луначарского, 42, в последние годы в Ялте, ул. Свободная, 5, с приемной дочерью О. Е. Ходорович. Похоронен в Севастополе.

¹² ПСС—4. № 60. Сергею Адамовичу Колбасьеву (1899—1937?, расстрелян или погиб в лагерях) посвящено следующее четверостишие: «Лейтенант, водивший канонерки / Под огнем неприятельских батарей, / Целую ночь под южным морем / Читал мне на память мои стихи...». Честный, трагический рассказ его дочери Г. С. Колбасьевой об отце смотрите в: Жизнь Гумилева—1991. С. 315—317.

¹³ Замечу здесь, что Немитц был знаком и с М. Волошиным, который заходил к нему 30 апреля 1919 года, а 6 мая восторженно рассказал о встрече с Немитцом И. Бунину, что вызвало ироничную запись последнего в дневнике (Купченко В. Труды и дни Максимилиана Волошина. 1917—1932. СПб, Симферополь, 2007. С. 72—73).

¹⁴ Труды и дни. С. 701—702.

будет подробно рассказано ниже, так как сохранились многочисленные воспоминания и документы, относящиеся к пребыванию Гумилева в Москве в начале июля. Здесь же необходимо отметить, что ни одного сборника «Шатер» никому из москвичей подарено не было, хотя Гумилев участвовал в многочисленных поэтических вечерах, встречался с поэтами и писателями. Безусловно, если бы сборник был с ним, этого бы не произошло. Говоря о связанных с этой остановкой в Москве документах, отмечу, что в работе к описанию пребывания там Гумилева впервые были привлечены многочисленные бумаги, изъятые у поэта при аресте 3 августа и сохранившиеся в его «Деле В. Ч. К. № 214224»¹⁶, до сих пор хранящегося в практически недоступных архивах Лубянки. В указанной публикации «Дела» много ошибок и описок, которые удалось частично устранить или расшифровать¹⁷. Эти бумаги позволили существенно расширить круг лиц, с кем Гумилев встречался в Москве, а также по-новому взглянуть на эту, казалось бы, случайную остановку в новой столице, в «сердце России — простой Москве». Дальнейший рассказ будет выстроен строго хронологически, и он охватит всю жизнь поэта, все случаи встречи его с древней столицей России. Многие исчезнувшие адреса можно увидеть на различных сайтах, посвященных старой Москве¹⁸.

¹⁵ См. воспоминания первой исполнительницы роли Леры Г. Н. Халайджиевой в: Жизнь Гумилева — 1991. С. 203—204.

¹⁶ Документы из «Дела В. Ч. К. № 214224» будут цитироваться по книге: Лукницкая В. К. Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л.: Лениздат, 1990 (в дальнейшем: Лукницкая-1990). С. 270—295.

¹⁷ Там, где это было возможно, текст документов уточнен по более качественной, но не полной их расшифровке в публикации, посвященной «Делу Гумилева», в книге: Шенталинский В. А. Преступление без наказания. Документальные повести. М.: Прогресс-Плеяда, 2007 (в дальнейшем: Шенталинский — 2007). С. 195—288.

¹⁸ Смотрите, в частности, снабженный картой сайт фотографий старой Москвы oldmos.ru; адреса для поиска по карте сайта приведены мною в Приложении.

Поначалу казалось, что подробный и точный рассказ о пребывании Гумилева в Москве не потребует больших усилий. Хотя тема эта никогда самостоятельно не рассматривалась, я знал, что в Москве поэт бывал лишь эпизодически, и никак не был с нею связан. Но, как часто бывает, погрузившись в «тему», вдруг обнаруживается множество «белых пятен», противоречивых свидетельств, неточностей, которые потребовали проверки по многочисленным источникам. Особые проблемы всякий раз возникают с «мемуарной» литературой, которую большинство публикаторов принимают как истину в последней инстанции. Кроме того, многие описания страдают тем недостатком, что место часто называется, но его современный адрес, как правило, не указывается, и это, с одной стороны, усложняет идентификацию, а с другой стороны, не дает возможность установить, что до наших дней сохранилось, а что — бесследно исчезло. Хотя по биографии Гумилева существует такой известный «путеводитель», как «Труды и дни» Павла Лукницкого, воспринимаемый большинством исследователей творчества Гумилева как некий «священный текст», которому можно всецело доверять, на собственном опыте приходилось неоднократно убеждаться, что это далеко не так. И особенно много ошибок встречается там, где наш герой покидал столицу, то есть Петербург и Царское Село. В частности, в описаниях тех периодов жизни поэта, которыми я более всего занимался: военная биография и африканские странствия. И как выяснилось в ходе настоящей работы — не исключением оказались периоды его пребывания в Москве.

«Московская биография» Гумилева четко распадается на два временных отрезка: (1) Дореволюционный период, когда поэт довольно часто, но ненадолго попадал в Москву, описать который оказалось возможным кратко и достаточно точно; (2) Последреволюционный период, когда поэт лишь дважды побывал в Москве (менее, чем за год до трагической гибели), но оставил многочисленные «следы», разобраться в которых и выстроить правдоподобный сюжет оказалось весьма затруд-

нительным. Для этого потребовалось просмотреть множество источников, часто противоречащих друг другу, «отфильтровать» их логически, цепляясь часто за мелкие, обычно опускаемые детали, и в результате получилось два достаточно подробных, надеюсь, правдоподобных рассказа.

Дореволюционный период

Начну с первого, «дореволюционного периода». Вряд ли Гумилев побывал в Москве хоть раз, даже проездом, ранее 1897 года. В этом году отцу С. Я. Гумилеву был предписан курс лечения в Железноводске, и семья отправилась с ним летом на Кавказ, не миновав при этом Москвы. В 1900 году, также по рекомендации врачей, семья Гумилевых переехала в Тифлис, где постоянно проживала до 1903 года. В период с 1901 по 1906 годы его краткие наезды в Москву могли быть связаны с летним проживанием в Рязанской губернии, в купленной матерью А. И. Гумилевой усадьбе Березки, точное местонахождение которой удалось впервые установить только летом 2011 года¹⁹. Однако в Березки с юга можно было попасть непосредственно через Рязань, минуя Москву. После 1903 года миновать Москву, чтобы провести лето в Березках, было уже невозможно. Однако «география» этих наездов, можно предположить, ограничивалась пересечением вокзальной площади, переходом с Николаевского на Казанский вокзал. Первое до-

¹⁹ Долгое время автор ошибался в вопросе определения местоположения Березок, в частности, неправильно указал его в комментариях к приведенному ниже письму (ПСС—8. С. 290—291). Действительно, как там указано, Березки располагались недалеко от ж/д станции Вышгород, но не на Оке, к северу от станции, а на реке Рака, притоке Оки, приблизительно в 10 км к югу от станции, рядом с хорошо сохранившимся старинным селом Коротково, на краю красивой, большой березовой рощи (потому и Березки!). К сожалению, от усадебных построек ничего не сохранилось, и для уточнения их местоположения требуется дополнительный поиск. Подробнее об усадьбе Березки и о «Рязанских пенатах» рода Гумилевых готовится публикация в журнале «Наше наследие».

кументальное свидетельство его намерения попасть именно в Москву относится к июню 1906 года. Сразу после выпускных экзаменов в гимназии Гумилев уехал в Березки. 15 июня он написал оттуда Брюсову:

«Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Я думаю приехать в Москву, в первый же вторник после 15-го, т. е. — 20-го июня. Но зная Ваше намерение отправиться в Швецию, я хотел бы знать точно, застану ли я Вас в Москве. Я теперь в деревне и чувствую себя довольно скверно, но числа 19-го все же надеюсь выехать... На случай, если Вы захотите мне ответить, прилагаю адрес: Московско-Казанская ж.д. Станция Вышгород, усадьба Березки, мне. Уважающий Вас Н. Гумилев.

P. S. Простите за короткое и небрежное письмо. Но я пишу его, лежа в постели при 38 ½° температуры»²⁰.

Однако первая их встреча не состоялась, так как именно 20 июня Брюсов выехал в Швецию. Интенсивная переписка Гумилева с проживавшим в Москве В. Брюсовым началась в феврале 1906 года, после того, как Брюсов поместил в журнале «Весы» (№ 11, 1905 г.) рецензию на первый сборник Гумилева «Путь конквистадоров» и пригласил его участвовать в журнале. В июле того же года Гумилев надолго уехал в Париж, однако в апреле 1907 года ему исполнилось 21 год, и он обязан был явиться в воинское присутствие, чтобы тянуть «жеребий». 1 мая 1907 года он писал Брюсову: «<...> Как Вы видите по штемплю, я уже в России и мой новый адрес: Царское Село, Конюшенная ул., д. Белозерова. К несчастью, я боюсь, что мне не удастся ехать в Москву, но если, благодаря какому-нибудь счастливому случаю, Вы будете в Петербурге, я надеюсь, что Вы не откажете мне сообщить, когда и где я смогу увидеть Вас. Опять за границу я думаю ехать в конце июня. <...>»²¹. Однако

²⁰ ПСС—8. № 4. С. 11.

²¹ ПСС—8. № 13. С. 37.

через две недели Гумилев все-таки оказался в Москве. 15 мая он был у Брюсова в редакциях журнала «Весы» и издательства «Скорпион». Кабинет Брюсова размещался в двух комнатах на пятом этаже только что построенного и поражающего тогда своей архитектурной новизной здания гостиницы «Метрополь». Вид этих апартаментов живописно изображен в «Воспоминаниях» Бориса Садовского, и именно здесь оказался тогда Гумилев: «Две высокие комнаты в стиле «модерн»; синие обои, пол паркетный, огромные окна. В первой комнате направо от входа телефон, слева вешалка и полка для книг; за полкой незаметная дверца в каморку Василия (*рассылный* «Весов»); стол перед окном. В простенке большой портрет Ницше: философ опирается на руку, глаза закрыты; за ним простирал крылья орел. Снимок с этого портрета можно найти в каталоге «Скорпиона» при первой книжке «Весов» <...> Тут же портрет-триптих З. Н. Гиппиус в белом со шлейфом платье. Направо дверь в кабинет редактора. Письменный стол завален бумагами и книгами. Типографические счета, пачки корректур, письма Рене Гиля и Реми де Гурмона, роскошно переплетенные экземпляры «Весов», рукописи, конверты. В глубине комнаты, справа от входа, стол с книгами, присланными для отзыва; на краю стола, свесив ноги, сидит гипсовая нимфа; всюду статуэтки, безделушки, изящные вещицы. Над шифоньеркой между столами портреты Метерлинка, Пшибышевского с женой, Достоевского, Верлена, Верхарна, много рисунков. На стенах портреты Борисова-Мусатова, Феофилактова, Сапунова. У задней стенки турецкий большой диван. Здесь собирались мы по вторникам для дружеских бесед. Ни вина, ни чаю не полагалось; не было ни шуток, ни смеха; юмор целиком уходил в статьи. Но как весело было ходить сюда! Как мы любили нашу редакцию!»²² Гумилев тогда впервые попал в помещение редакции серьезного журнала.

²² Азадовский К. М., Максимов Д. Е. Брюсов и «Весы» // Валерий Брюсов. Литературное наследство. Т. 85. М., 1976. С. 264. Оригинал: РГАЛИ. Ф. 464. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 7—8.

В дневнике Брюсова сохранилась запись: «15 мая. Приезжал в Москву Н. Гумилев. Одет довольно изящно, но неприятное впечатление производят гнилые зубы. Часто упоминает «о свете». Сидел у меня в «Скорпионе», потом я был у него в какой-то скверной гостинице, близ вокзалов. Говорили о поэзии и оккультизме. Сведений у него мало. Видимо, он находится в своем декадентском периоде. Напомнил мне меня 1895 года»²³. Брюсов посетил Гумилева в гостинице на Домниковской улице, ныне ул. Маши Порываевой, частично — проспект Сахарова, почти ничего от нее не сохранилось, в начале ее стоит высотная гостиница «Ленинградская». На Домниковской улице тогда располагалось 4 гостиницы: д. 23 — «Казанская», д. 27 — «Европа», д. 33 — «Ока» и д. 35, ближайшая к вокзалу, в которой Гумилев, скорее всего, и остановился — так и называлась, «Вокзальная». Приблизительно как раз на том месте, где стояла гостиница, находится начало проспекта Сахарова, на котором 24 декабря 2011 года прошел известный всем митинг «оппозиции». Из Москвы Гумилев съездил на несколько дней в Березки, к кому-то из знакомых или родственников (имение было продано в 1906 году), затем вернулся в Москву, но с Брюсовым разминувшись, оттуда опять в Царское Село для явки в воинское присутствие, где вытянул «жеребий», предписывающий ему явиться в октябре для прохождения медицинской комиссии перед зачислением в армию. Потом — кружным путем в Париж²⁴. Осенью Гумилев на месяц приезжал в Россию, где ему 30 октября было вручено «бессрочное» освобождение от прохождения воинской службы. Судя по всему, он проезжал тогда Москву, но в ней не останавливался и с Брюсовым не виделся.

²³ Брюсов В.Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002. С. 157.

²⁴ Об этом возвращении Гумилева в Париж летом 1907 года, когда он, по версии автора, впервые попал в Африку, подробно изложено в «Неакадемических комментариях-1» (Степанов Е. Е. Неакадемические комментарии 1—4. Toronto Slavic Quarterly (<http://www.utoronto.ca/tsq/>), №№ 17, 18, 20, 22 (2006—2007), соответственно).

После выхода в начале 1908 года «Романтических цветов» 20 апреля Гумилев окончательно выезжает из Парижа в Россию. Первую остановку он делает в Севастополе, где жила Аня Горенко. Из Севастополя Гумилев заехал в Москву к Брюсову, был у него дома²⁵. Договорились об издании в «Скорпионе» новой книги стихов «Жемчуга». До 1910 г. Брюсов жил на Цветном бульваре, дом 22. Дом сохранился, сейчас в нем какая-то контора. Около середины июня уехал в имение Березки, жил там до 19 июня; из Березок поехал, по-видимому, в Москву, еще раз повидался с В. Я. Брюсовым, а оттуда в Слепнево²⁶. В начале сентября Гумилев выехал из Петербурга, чтобы отправиться в «романтическое путешествие» с В. Аренс по Европе, не задерживаясь по дороге в Москве. Однако не дождавшись в Константинополе своей спутницы, впервые оказался в Египте, посетив Александрию, Каир и некоторые другие достопримечательности, заразившись тогда «африканской лихорадкой», которая сопровождала его всю оставшуюся жизнь²⁷. На обратной дороге в Москву не заезжал, сделал только короткую остановку в Киеве, где в очередной раз произошел «полный разрыв» с Анной Горенко, и 9 ноября вернулся в Царское Село.

В начале 1909 года Гумилев познакомился с М. Волошиным, а весной у него начался роман с Е. И. Дмитриевой (вскоре ставшей — Черубиной де Габриак), с которой встречался еще в Париже. Волошин пригласил к себе в Крым, в Коктебель и Гумилева, и Дмитриеву. Из письма Дмитриевой к Волошину от 22 мая из Петербурга: «Дорогой Макс, уже взяты билеты, и вот как все будет: 25-го мая, в понедельник, мы с Гумилевым едем, с нами Майя и ее отец. В Москве остаемся до 27-го вечера, а потом, уже с Марго, едем дальше, по моим рас-

²⁵ Труды и дни. С. 136. Ранее, 13 января 1908 года, Гумилев послал Брюсову сборник «Романтические цветы». Рецензия Брюсова на него (Дебютанты. Весы. № 3, 1908) вышла еще до возвращения Гумилева в Россию, и Гумилев не мог не посетить на обратной дороге своего мэтра.

²⁶ Труды и дни. С. 140.

²⁷ Подробнее об этом: «Неакадемические комментарии-1».

четам мы приедем в субботу, в 7 ч. утра в Феодосию. <...>»²⁸. 26 мая Гумилев с Е. И. Дмитриевой остановились на один день в Москве, в гостинице «Славянский Базар», № 100, на Никольской улице, д. 17. Об этом говорит адрес на конверте с запиской Брюсова: «...При всем желании для меня невозможно заехать к Вам в 7, час, который Вы указали. Но я могу быть дома между 9 и 12 вечера. Если это для Вас возможно, приезжайте в эти часы ко мне «пить чай». Буду очень рад. Всегда Ваш Валерий Брюсов»²⁹. Встреча состоялась. 27 мая Гумилев с Дмитриевой выехали поездом до Феодосии: «Все путешествие туда я помню, как дымно-розовый закат, и мы вместе у окна вагона. Я звала его «Гумми», не любила имени «Николай», а он меня, как зовут дома, «Диля» — «имя похожее на серебрястый колокольчик», как говорил он...»³⁰

В 1910 году Гумилев, если и попадал в Москву, то лишь проездом: в начале апреля, когда ехал в Киев венчаться с Анной Горенко, а затем в сентябре, по дороге в Одессу, откуда началось его самое экзотическое путешествие в Африку, когда он достиг столицы Абиссинии Аддис-Абебы, далее, как было впервые показано автором этой публикации, пересек экватор, добрался до Кении и завершил свое путешествие в марте 1911 года в Момбасе. На обратном пути из Африки Гумилев был, проездом через Москву, у В. Я. Брюсова³¹. С 1910 года Брюсов живет там, где ныне помещается его музей, 1-я Мещанская (пр. Мира), 30. Следы этого визита (и рассказа о путешествии) — в весьма путаных воспоминаниях свояченицы Валерия Брюсова Брониславы Матвеевны Погореловой³².

²⁸ Агеева Л. И. Неразгаданная Черубина. Документальное повествование. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2006 (в дальнейшем: Агеева-2006). С. 69.

²⁹ ПСС—8. Письма к Гумилеву. № 13. С.229.

³⁰ Агеева-2006. С. 73. Оригинал: РГАЛИ. Ф. 1458. Оп. 2. Ед. хр. 33а. Л. 2—3.

³¹ Труды и дни. С. 236.

³² Подробно об этом путешествии в Африку и о визите к Брюсову: «Неакадемические комментарии-2». Рассказ Погореловой: Гумилев Н. С.: pro et contra / Сост. Ю. В. Зобнин. СПб.: РХГИ, 2000. С. 251—252.

Самый продолжительный период пребывания Гумилева в Москве пришелся на август 1911 года. 7 августа Гумилев с Ахматовой уехали из Слепнева в Москву. Это было первое посещение Ахматовой Москвы. Первые два дня они жили в гостинице «Метрополь», затем переехали в другую гостиницу. В Москве Гумилев встречался с Поляковым, Андреем Белым, бывал в редакции «Скорпиона». Вместе с женой осматривал Третьяковскую галерею. По воспоминаниям Ахматовой, «в августе 1911 года Н. С. и я поехали из Слепнева в Москву. В ресторане «Метрополя» завтракали с С. А. Поляковым (издателем «Весов»). Он подробнейшим образом объяснял нам, отчего он закрыл «Весы», что очень огорчало Гумилева. Оказывается, дело было в том, что тогдашняя молодежь пошла не за Брюсовым, а за Белым, и тогда Брюсов решил, что «Весам» не быть. Потом у нас в гостинице был сам Белый. Брал у Гумилева стихи в альманах «Мусагет»». А. А., пробыв в Москве 4—6 дней, уехала. Н. Г. остался еще на несколько дней, был с визитом у В. Я. Брюсова и познакомился у него с Н. А. Клюевым. Из Москвы приблизительно 16—18 августа уехал в Слепнево, где оставался до конца августа³³.

Весной 1912 года Гумилев с Ахматовой отправились в путешествие по Италии. На обратной дороге, через Вену и Краков, 17 мая Гумилев с Ахматовой вернулись в Киев. Оставив Ахматову у матери, Гумилев уехал в Петербург. По дороге сделал короткую остановку в Москве, видимо, посетив В. Брюсова в редакции журнала «Русская мысль» и оставив ему итальянские стихи и только что вышедший сборник «Чужое небо». Редакция, как следует из посланного сразу же после возвращения в Петербург письма Брюсову, располагалась по адресу: Москва, Воздвиженка, Ваганьковский пер., д. 3 (дом Куманина)³⁴. Сейчас это — угловой дом на пересечении Воздвиженки и Староваганьковского переулка. В 1913 году редакция переехала в Петербург, Нюстадская ул., 6 (Лесной проспект на Вы-

³³ Труды и дни. С. 253—254. Ахматова-ЗК. С. 366.

³⁴ ПСС—8. № 113. С. 497—498. Письмо от 22 мая из Царского Села.

боргской стороне). Большую часть лета этого года Гумилев провел в Слепневе. В середине июля он из Слепнева поехал в Москву, чтобы встретить жену, приезжавшую из Подольской губернии: «Потом Н. С. выехал меня встретить в Москву, мы в Москве встретились. Пробыли несколько времени в Москве. Тогда я в первый раз видела Брюсова — в первый и последний (один раз я только видела) — в редакции «Русской мысли»; Белого видела, с женой. Вместе поехали в Слепнево...»³⁵. Как вспоминала Ахматова, «в 1912 году в Москве были у Брюсова в «Русской мысли». Это было уже после «Вечера», и Брюсов сказал мне, что мои стихи очень понравились какому-то знаменитому московскому коннозаводчику. Я приняла это, как «сомнительный» комплимент»³⁶. Гумилев с Ахматовой посетили А. Белого в его доме на Арбате, 55, там, где сейчас помещается «Дом-музей А. Белого». Пробыв в Москве несколько дней, Гумилевы уехали в Слепнево и жили там до августа. Вскоре, 18 сентября / 1 октября 1912 года у них родился сын Лев.

Затем, в течение нескольких лет, вплоть до февральской революции, Гумилев ни разу не был в Москве. В 1914 году он ушел на войну, вначале в чине вольноопределяющегося, после получения двух Георгиевских крестов в чине унтер-офицера Уланского полка, а с марта 1916 года в чине младшего офицера, прапорщика 5-го Гусарского Александрийского полка, воевал на различных фронтах Первой мировой войны, при этом ни разу не попав в Москву даже проездом, при переброске с фронта на фронт. Единственное свидетельство его краткого посещения Москвы, о котором более ничего не известно, — почтовые штемпели на двух открытках, посланных Ларисе Рейснер 22 и 23 февраля 1917 года, когда Гумилев весь февраль находился в командировке в Окуловке, занимаясь заготовкой сена для своего полка, изредка наезжая в Петроград. На цвет-

³⁵ Лукницкий П. Н. *Acumiana*. Встречи с Анной Ахматовой. Т. I. 1924—1925. Paris: YMCA-Press, 1991. С. 99.

³⁶ Ахматова-ЗК. С. 366.

ных художественных открытках³⁷ Гумилев послал Ларисе Рейснер две «Канцоны». Хотя ничего нельзя сказать о том, какие места посетил Гумилев в конце февраля в Москве, однако можно предположить «московское происхождение» этих двух «Канцон», поэтому приведем их в первоначальной редакции, в том виде, как он их послал Л. Рейснер. И этим завершим первую часть нашего рассказа о дореволюционных московских адресах поэта.

Канцона

Бывает в жизни человека
Один неповторимый миг:
Кто б ни был он, старик, калека,
Как бы свой собственный двойник,
Нечеловечески прекрасен
Тогда стоит он; небеса
Над ним разверсты; воздух ясен;
Уж наплывают чудеса.
Таким тогда он будет снова,
Когда воскреснувшую плоть
Решит во славу Бога-Слова
К всебытию призвать Господь.
Волшебница, я не случайно
К следам ступней твоих приник:
Ведь я тебя увидел тайно
В невыразимый этот миг.
Ты розу белую срывала
И наклонялась к розе той,
А небо над тобой сияло,
Твоей залито красотой³⁸.

22 февраля 1917. Н. Гумилев.

³⁷ Открытки факсимильно воспроизведены в выпуске «Поэт на войне-6» (Степанов Е. Е. Поэт на войне. Публикации в рубрике «Книга в журнале». Части 1—3. Выпуски 1—5 — Вокруг «Записок кавалериста». Выпуск 6 — «Гусарская баллада». Выпуск-7 — «Экспедиционный корпус». В Toronto Slavic Quarterly (<http://www.utoronto.ca/tsq>), №№ 24, 25, 26, 27, 28, 29, 31 (2008—2010), соответственно). Там же подробно — о службе Гумилева в Гусарском полку, об этой командировке и его взаимоотношениях с Л. Рейснер.

³⁸ ПСС—3. № 51. С. 111.

Канцона

Лучшая музыка в мире — нема!
Дерево ль, жилы ли бычьи
Выразят молнийный трепет ума,
Сердца причуды девичьи?
Краски и бледны и тусклы! Устал
Я от затей их бессчетных.
Ярче мой дух, чем трава иль металл,
Тело подводных животных!
Только любовь мне осталась, струной
Ангельской арфы взывая,
Душу пронзая, как тонкой иглой,
Синими светами рая.
Ты мне осталась одна. Наяву
Видевши солнце ночное,
Лишь для тебя на земле я живу,
Делаю дело земное.
Да! Ты в моей беспокойной судьбе —
Иерусалим пилигримов.
Надо бы мне говорить о тебе
На языке серафимов³⁹.

23 февраля 1917. Н. Гумилев.

Первая из этих «Канцон» при жизни поэта не перепечатывалась, а вторая, в сильно переработанном виде (были полностью переписаны первые восемь строк) вошла в сборник «Костер» как «Канцона первая». В мае 1917 года Гумилев был командирован во Францию и Англию, в состав русских экспедиционных войск. В апреле 1918 года вернулся в Петроград и почти безвыездно оставался там до конца октября 1920 года. Единственным исключением были регулярные поездки в Бежецк, куда перебралась из Слепнева его семья и где жил его сын Лев. С Ахматовой они развелись, и Гумилев женился на А. Н. Энгельгардт. 4 апреля 1919 года у них родилась дочь Лена. В ноябре этого же года он отправил их в Бежецк, где было проще с продовольствием.

³⁹ ПСС—3. № 51. С. 112, 250.

Послереволюционный период

Активнейшая литературно-общественная жизнь, которую вел Гумилев на протяжении 1918—1921 годов, проходила на фоне Петрограда⁴⁰. Лишь дважды за это время Гумилев посетил Москву. Причем последний визит, за месяц до ареста, давал надежду на то, что Москва займет в его жизни значительно более существенное, если не основное место. Вслед за перемещением столицы государства, центр литературной жизни постепенно смещался в сторону Москвы, и это не могло бы не повлиять на биографию поэта, продлись она еще хоть на несколько лет. Но ему в этом было отказано... Последнее посещение Москвы в июле 1921 года оказалось прощальным — с жизнью.

Но прощальной поездке предшествовал короткий визит двух поэтов в столицу в начале ноября 1920 года. О последних двух визитах Гумилева в Москву, в 1920 и 1921 году, сохранились достаточно многочисленные, но часто весьма противоречивые свидетельства современников, которые, при соответствующей обработке, сопоставлении и «фильтрации» позволили достаточно точно их реконструировать.

5 октября 1920 года в Петрограде состоялось общее собрание «Союза поэтов», на котором прошли перевыборы президиума. Блок сложил с себя полномочия председателя «Союза». Победил, как писала Павлович, «гумилевский клан». 13 октября утром к Блоку пришли пятнадцать поэтов во главе с Гумилевым и упростили его остаться председателем «Союза поэтов». 21 октября в клубе на Литейном пр., 24, состоялся первый после перевыборов вечер «Союза поэтов»; присутствовавший на нем Блок записал: «В Союзе Поэтов — очень замечательно... Вечер в клубе поэтов на Литейной 21 октября — первый после

⁴⁰ Чтобы составить представление о ней, рекомендую посмотреть составленную автором «Хронику-1991». С. 405—429. Видеть ее можно также на сайте: <http://gumilev.ru/biography/80/>. Замечу, что представленная в книге и на сайте «Хроника-1991» к настоящему моменту существенно дополнена ее автором.

того, как выперли Павлович, Шкапскую, Оцуца, Сюннерберга и Рождественского и просили меня остаться. Мое самочувствие совершенно другое. Никто не приступает с бумагами и властью. Верховодит Гумилев — довольно интересно и искусно. Акмеисты, чувствуется, в некотором заговоре, у них особое друт с другом обращение. Все под Гумилевым. Гвоздь вечера — И. Мандельштам, который приехал, побывав во врангелевской тюрьме. <.> Крепкое впечатление производят одни акмеисты.....»⁴¹ В этот же день в «Доме литераторов» Гумилеву и Кузмину предложили съездить с выступлениями в Москву. В Рукописном отделе Пушкинского Дома сохранился выданный Гумилеву мандат, подписанный руководителями петроградского Дома литераторов Б. О. Харитонов и А. Е. Кауфманом: «Мандат. 26 октября 1920. № 1285. Предъявитель сего т. Н. Гумилев командирован в Москву для участия в литературном вечере современной поэзии, устраиваемом Культурно-просветительским отделом Дома литераторов при Наркомпросе в Политехническом музее 2-го сентября с. г. Председатель Комитета Дома литераторов Харитон. Секретарь Кауфман»⁴². На самом деле, как следует из записи в дневнике Кузмина, вечер состоялся в первый же день, 1-го ноября.

Незадолго до этого, 29 сентября «Союз поэтов» организовал в «Доме искусств» юбилейное чествование М. Кузмина (15 лет литературной деятельности), на котором выступили Блок, Гумилев и др.⁴³ Участие в поездке М. Кузмина позволи-

⁴¹ Блок А. Записные книжки. 1901—1920. М.: Художественная литература, 1965. С. 505. Блок А. Дневник. М.: Советская Россия, 1989. С. 304—305. Блок сложил с себя полномочия председателя «Союза поэтов» позже, в дневнике за 1921 год (С. 347) он писал: «Болезнь моя росла, усталость и тоска загрызли, в нашей квартире я только молчал. «Службы» стали почти невыносимы. <.> В феврале меня выгнали из Союза поэтов и выбрали председателем Гумилева».

⁴² В. В. Базанов. Из архивных разысканий о Николае Гумилеве // Из творческого наследия советских писателей. Л.: Наука, 1991. С. 321—322. Оригинал: ИРЛИ. Ф. 98. Ед. хр. 71. Л. 11.

⁴³ Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Том 1. Части 1—2. Москва и Петроград. 1917—

ло, благодаря его дневникам, точно датировать все события. Из дневниковых записей за октябрь 1920 г.: «21 (четверг) <...> Побежал еще в Д<ом> Л<итераторов>. Предлагают съездить в Москву с Гумилевым. <...> 27 (среда) <...> Кажется, приходится ехать. Ирец<кий> вытребовал трудов<ую> книгу⁴⁴, но самого его не было. <...> 28 (четверг) Беседовал с Гумилевым. В воскресенье едем. Мне очень страшно <...>. 31 (воскресенье) Проспали. Не успели выпить чаю, пришли сказать, что едем в 2 ½. Торопился ужасно. Мамаша испекла лепешек. <...> Гумилев в дохе, Грушко шла с нами. Ехать удобно. Тепло и просторно. Выехали. Свету не было. Гум. очень мил, но надоел мне акмеизмом. <...>»⁴⁵.

Утром 1 ноября поезд еще не достиг Москвы: «1 (понед.): Я давно не видел полей и снега. Когда утром за Тверью, увидел солнце, синее небо и белые равнины, хотелось кричать от восторга. Люди закутаны и будто нормальны. Очень хотелось пить, хотел даже выйти поесть снега. Стояли в поле часов пять, т.к. перед нами сломался электрический поезд. В Москве очаровательная погода, много народа, есть еда, не видно красноармейцев, арестованных людей с мешками и торгуют. Никто нас не встретил. Поплелись в ЛИТО». Это — Литературный отдел Наркомпроса. С 1920 года Лито вошел в состав Главполитпросвета Наркомпроса и разместился на Сретенском бульваре, дом 6, в грандиозном здании бывшего страхо-

1922 гг. М.: ИМЛИ РАН 2005 (в дальнейшем: Хроника-1920-х годов). Том 1. Часть 1. С. 627—628.

⁴⁴ В период военного коммунизма основным удостоверением личности служила трудовая книжка. Только предъявив ее и командировочное удостоверение, можно было получить бесплатный билет на поезд. (Прим. С. В. Шумихина).

⁴⁵ Гумилев и Кузмин на «Вечере современной поэзии» в Москве 2 ноября 1920 г. (По дневнику М. А. Кузмина) / Публ. С. В. Шумихина // Н. Гумилев и русский Парнас. Материалы научной конференции 17—19 сентября 1991 г. СПб., 1992. С. 109—110 (в дальнейшем: Кузмин-Дневник-1920). Далее ссылки на дневник Кузмина 1920 года относятся к этой публикации, и отмечаться в сносках не будут.

вого общества «Россия» — один из известных «Булгаковских адресов» Москвы.

Как продолжает Кузмин, «в Лито Шихман тоже ушел, оставя записку, что во Дворце искусств приготовлены нам комнаты. Брюсов, высокий, побелел, поседел, в полушубке, стройный и марциальный, по-прежнему волнуяще рыкочет, опуская глаза». Их определили на жительство в Дворец искусств, размещавшийся на Поварской, 52, в наше время дом известен как бывшая резиденция Союза писателей СССР. Из дневника Кузмина: «Пошли в столовую Онуфриевой. Встретили Оцупа. Во Дворец искусств ужасная даль⁴⁶. Дом, по преданию, Ростовых из «Войны и мира». Прелестный особняк. Заходим. Комнат никаких, постелей тоже. Пьяный Рукавишников⁴⁷ трясет бородой и хотел одного положить с Держановским, другого в черную комнату, с черным потолком, без электричества, с дымной печкой. Но когда ее открыли, там обнаружился Пильняк с дамой. В подвале, в чаду кухни грязная сырая столовая. <...> Ужасно <...>»⁴⁸ Состоявшееся в тот же вечер вы-

⁴⁶ Действительно, путь от начала Сретенского бульвара, на пересечении его с Мясницкой улицей, до угла Поварской и Новинского бульвара — не близкий, надо пересечь по диагонали почти все Садовое кольцо или пройти большую часть Бульварного кольца.

⁴⁷ Иван Сергеевич Рукавишников (1877—1930), поэт, прозаик, профессор Высшего литературно-художественного института имени В. Я. Брюсова (ВЛХИ), в 1919—1920 гг. возглавлял Дворец Искусств. Смотрите о нем: Биографический словарь «Русские писатели. 1800—1917». М.: Большая Российская энциклопедия, 2007 (в дальнейшем: Русские писатели-1...5). Т. 5. С. 384—386.

⁴⁸ Описанию Дворца Искусств посвящена публикация: Евстигнеева А. Л. Особняк на Поварской (Из истории Московского Дворца Искусств) // Встречи с прошлым. Вып. 8. М.: Русская книга, 1996. С. 116—140). В частности, там сказано (С. 122): «Последний владелец дома был масоном. Еще при нас сохранились две комнаты, выкрашенных в черный цвет, на потолке были белые звезды. То ли у института не было денег на переделку здания, то ли эти комнаты были достопримечательностью дома и их сознательно сохранили». Описание относится к более позднему периоду, когда Дворец искусств был уже закрыт, и в его помещениях открылся упомянутый выше институт ВЛХИ.

ступление в Политехническом музее у Кузмина описано лаконично: «В Институте был адский холод, народу много. Стихи как-то не доходили, но много знакомых и ласковая молодежь. Меня похитили какие-то неизвестные поклонники, мальчик с морским офицером. Мезонин в церковной ограде. Тепло, чай, еда, вино, книжки, восторженная любезность и деревья в окне, будто во сне». Кузмин ночевал у художника В. А. Свительского и его приемного отца⁴⁹.

Более подробно вечер в Политехническом описан в других воспоминаниях. Там Гумилев встретил Ольгу Мочалову, с которой познакомился летом 1916-го года в Крыму, в Массандре: «Лютой зимой <...> в Москву приехали Гумилев и Кузмин выступать с чтением стихов в Политехническом музее. Я пришла, конечно, на вечер. Аудитория не отапливалась, все сидели в шубах. Помню, на мне была тогда самодельная шапка из свернутого вокруг боа. Я сидела в партере рядом с пожилым гражданином. Он насмешливо бормотал, слушая Гумилева. <...> Особого успеха ленинградские поэты не имели. Публика смешанная, неопределенная, скорее больше любопытничала,

⁴⁹ (Прим. С. В. Шумихина) Художник В. А. Свительский (1904—1937) и его приемный отец, бывший морской офицер, врач-терапевт М. М. Мелентьев (1892—1967). В написанной после смерти Свительского его биографии «Книга о Володе», Мелентьев писал об этом случае: «...мы познакомились с поэтом и композитором М. А. Кузминым. Он, вместе с Гумилевым, читал свои стихи в аудитории Политехнического музея. Мы знали и любили его «Осенние озера», «Сети», прозу. Во время антракта мы пошли в «артистическую», чтобы поглядеть поближе на обоих прославленных поэтов. И когда там толкались, услышали, как Кузмин кому-то жаловался: «Остановили меня в Доме писателя, а там холодно и чаю нет». Посоветовавшись с Володей, я подошел к нему и предложил тепло, чай и папиросы, в которых он так нуждался. Он тут же, не думая, поблагодарил и согласился. Идя с ним домой по засугробленным переулкам, я выразил ему удивление, как это он так храбро пошел с нами. «Ведь вот разденем, и след наш простыл». Он, смеясь, отвечал: «Моей одеждой трудно прельститься, а друзей я узнаю с первого взгляда». Был он тогда уже стар, беззуб, с остатками бывшего «кока», но как-то кокетлив и обаятелен по-своему. Он читал нам свои стихи, дал мне в «книгу для записи посетителей» свой автограф и очень доволен остался нашим гостеприимством».

о чем говорят теперь известные имена. Я чувствовала, что Гумилев не хочет сдаваться времени, отстаивает свой мир, прежние темы. Он стоял перед аудиторией твердо и прямо, тоже в шубе с меховым верхом. В антракте я подошла к нему и робко спросила: «Николай Степанович, помните ли Вы меня?» Он живо и обрадовано ответил: «Да, да, конечно, вспоминал, думал о Вас часами по вечерам». Уговорились, что я буду ждать его при выходе из подъезда...»⁵⁰

На вечере присутствовал В. Маяковский. По воспоминаниям С. М. Богомазова⁵¹, записанным Л. В. Горнунгом, «в этот приезд в Москву Николай Степанович читал стихи во многих литературных организациях (Союз Писателей, Поэтов, литературные кафе и прочее). В большой аудитории Политехнического музея по случаю холода он читал в дохе, Кузмин и прочие — в шубах. Во время чтения «Трамвая» в верхней боковой двери показался Маяковский с дамой. Он прислушался, подался вперед и так замер до конца стихотворения»⁵². По другим воспоминаниям, «после концерта Маяковский пришел в артистическую комнату и подошел к Гумилеву. Гумилев ему сказал: «Я сегодня не в голосе и скверно читал свои стихи». Маяковский возразил: «Неправда! И стихи прекрасные, осо-

⁵⁰ Мочалова О. А. Голоса Серебряного века. Поэт о поэтах / Сост., предисл. и коммент. А. Л. Евстигнеевой. М.: Молодая гвардия, 2004 (в дальнейшем: Мочалова-2004). С. 98—99.

⁵¹ Сергей Михайлович Богомазов (9.9.1900, Глазов — 11.5.1983, Москва) был другом детства В. А. Павлова, учился с ним в реальном училище и университете Шанявского. Работал заведующим литчастью Детского театра, писал стихи (под псевдонимом С. Динин), был диктором и музыкальным работником на Всесоюзном радио. Он автор слов памятной многим вступительной песенки «Клуба знаменитых капитанов». В РГАЛИ имеется его именной фонд (№ 1846). Машинопись дневника Л. В. Горнунга за 1923 г. с записью воспоминаний С. М. Богомазова; предоставлена автору Н. М. Иванниковой (в дальнейшем: Богомазов-1923).

⁵² Богомазов-1923. С. 2. На самом деле, в этот раз состоялось лишь одно публичное выступление поэтов в Политехническом музее. У Богомазова слились два визита Гумилева в Москву, о втором визите, когда Гумилев выступал в различных учреждениях и литературных кафе, будет рассказано ниже.

бенно о цыганах, и читали прекрасно»⁵³. Гумилев тогда, помимо «Заблудившегося трамвая» и «У цыган», прочитал ряд африканских стихотворений из «Шатра»⁵⁴.

Как далее вспоминает Мочалова, «светила полная луна, трещал мороз. Он шел ночевать к Коганам, странноприимной чете, любившей не поэзию, а поэтов»⁵⁵. Он уверенно вел меня за собой. Но я была в недоумении: «В каком же качестве я туда приду? Куда меня положат? Рядом с ним?» На одном из поворотов я резко остановилась и сказала, что иду ночевать к двоюродным сестрам. Он удивился, но не стал возражать. Условились, что я завтра приду в Брюсовский институт⁵⁶ к 8 часам. Двоюродные сестры жили в маленьком домике на Трубной площади рядом с рестораном «Эрмитаж», где дядя Жорж директорствовал. <...> В эту морозную ночь я испытала здесь сильнейшее из впечатлений от встречи с Н. С. В полусне, подувши двигались горы, смещались небо и земля, ходили большие розы с темно-красными головами, как бурная вода, текла музыка, было неразличимо чувство не то провала, не то полета, бездны или выси. Я оказывалась в неведомых мирах, где все было не названо. Именно потому, что переживая

⁵³ Вильмонт Н. О Борисе Пастернаке. М., 1989. С.216.

⁵⁴ Труды и дни. С. 637. В комментария (С. 638), ссылаясь, видимо, на описку или опечатку в заголовке публикации «Кузмин-Дневник-1920», ошибочно утверждается, что вечер поэзии состоялся в Политехническом музее 2 ноября. Однако у Кузмина в дневнике четко обозначено 1 ноября (хотя Политехнический музей Кузмин называет там «Институтом», видимо из-за анфиладного вида аудитории; это отмечено и публикатором в примечаниях). Дата подтверждается и в документированной Хронике-1920-х годов (С. 653). 2 ноября там же состоялось выступление К. Чуковского, о котором будет сказано ниже.

⁵⁵ Гумилев тогда, после выступления, остановился у Петра Семеновича Когана (1872—1932), и его жены Надежды Александровны Нолле-Коган (1888—1966) на Арбате, дом 51. Мне эта квартира знакома по месту жительства известного знакомого литературоведа. По его рассказу, Коганы жили этажом выше его квартиры, вход в подъезд — со двора дома.

⁵⁶ Это упоминавшийся выше Литературно-художественный институт (ВЛХИ), который тогда открывался в комплексе зданий Дворца искусств на Поварской, 52.

превышали меру сил, выводили из себя, я не успела в нужную минуту сказать нужные слова. На утро я уехала на Фили, выпустила школьных ребят по случаю 25 градусов мороза <...> и отправилась в Москву во Дворец искусств. Я не опоздала к условленному часу. Но в дверях мне попался Михаил Кузмин, и на мой вопрос: «Где Н. С.?» — ответил, что Гумилев недавно ушел, и больше о нем ничего не известно. Я хотела смерти. Мы так и не встретились. Впоследствии он говорил, что ждал меня, мое отсутствие объяснил морозом и Филиями и ушел»⁵⁷.

На следующий день никаких выступлений поэтов запланировано не было, и в дневнике Кузмина он описан лаконично: «2 (вторн.) Утром напоили, накормили меня и провели в ЛИТО. Расплатились там, Оцуп взялся достать билеты. Пошли на Моховую за пропуском. <...> Пошел к куме⁵⁸. Уютно, но ссорится ужасно с Борисом⁵⁹. Шурочка и Душенька там⁶⁰. Пришел еще Шкловский. Пошел обедать с Лилей⁶¹ и Маяковским. Спекулятивные обеды и обстановка. Сидел сначала один с дамой. У нее новый костюмчик. Разговоры о ЧК и т. п. Наелся и пошел с ними послушать Чуковского, но сбежал к куме. Там все еще сидит Шкловский, все еще ссорятся, но тепло и мило».

Кузмин в этом фрагменте упоминает основателя «Бродячей собаки» и других литературных кафе Бориса Константиновича Пронина. Хотя документальных подтверждений пере-

⁵⁷ Мочалова-2004. С. 99—100.

⁵⁸ «Кума» — Вера Александровна Лишневецкая (Кашницкая), жена Б. К. Пронина. Кузмин крестил детей В. А. Лишневецкой. В Москве Б. К. Пронин открыла в ночь на новый 1923 год еще одно литературно-художественное кафе «Странствующий энтузиаст» (существовало и одноименное издательство). (Прим. С. В. Шумихина).

⁵⁹ Пронин Борис Константинович, муж В. А. Лишневецкой. (Прим. С. В. Шумихина).

⁶⁰ Душенька — дочь В. А. Лишневецкой и Б. К. Пронина Евдокия, крестница Кузмина. На ее рождение (1917) Кузминым написано стихотворение «Девочке-Душеньке». (Прим. С. В. Шумихина).

⁶¹ Лили Юрьевна Брик. (Прим. С. В. Шумихина).

сечений с ним Гумилева в этой поездке нет, скорее всего, они встречались; по крайней мере, в описанной ниже поездке Гумилева в Москву в 1921 году Пронин будет упоминаться неоднократно. Кузмин записал, что он хотел «послушать Чуковского»: в этот день Чуковский читал в той же аудитории Политехнического музея лекцию: «Две России: Маяковский или Ахматова?»⁶². Скорее всего, Гумилев там тоже присутствовал и вряд ли сбежал. В «Трудах и днях» Лукницкого сказано⁶³, что Гумилев посетил в этот день Дом печати (Никитский бул., 8 — ныне Дом журналиста). Но наиболее подробно второй день пребывания Гумилева описан в недавно опубликованных воспоминаниях Нины Яковлевны Серпинской (1893, Париж — 1955, Москва)⁶⁴. Очевидно, что приведенный ниже фрагмент относится ко второму дню пребывания Гумилева в Москве. Встретились они во Дворце Искусств, видимо, во время совместной с Кузминым трапезы, дневной или вечерней. Серпинская 2 ноября «увела» Гумилева, и поэтому Мочалова в тот день, придя к 8 часам вечера, его уже не застала:

«<...> В 1920 году за длинным столом рядом с возглавлявшим его Иваном Сергеевичем Рукавишниковым появились две новые фигуры, сразу бросившиеся в глаза высокомерным, подтянутым, не московским обликом. Один — высокий, гладко опроборенный шатен, другой — низенький брюнет. Оба в ослепительных крахмальных стоячих воротничках и чинных галстуках, резко выделявшихся на фоне темных, мягких, небрежных рубашек москвичей. Повинуясь восьми градусам температуры, гости, как и мы все, не скинули, а только расстегнули верхнюю одежду. Оленья доха высокого шатена, окаймленная широким ручным эскимосским орнаментом, ка-

⁶² Хроника-1920-х годов. Том 1. Часть 1. С. 654.

⁶³ Труды и дни. С.637.

⁶⁴ Серпинская Н. Я. Флирт с жизнью (Мемуары интеллигентки двух эпох) / Сост. С. Шумихин. М.: Молодая гвардия, 2003 (в дальнейшем: Серпинская-2003). Фрагменты воспоминаний и краткая биография Н. Я. Серпинской первоначально были опубликованы: Серпинская Н. Я. Флирт с жизнью // Наше наследие. 2003. № 65. С. 54—71.

залась музейным экспонатом рядом с деревенскими тулупами и обтрепанными шубами большинства. — Кузмин и Гумилев приехали в Москву на несколько дней, останутся у нас, — объяснил мне Рукавишников, по обычному гостеприимству озабоченный тем, чтобы гости получили те удобства, которыми сам он не пользовался. Лицо и фигура Кузмина являли полнейшую оцепенелость мумии. Когда-то вылепила природа блестящие черные, густые, южные волосы, умный, высокий лоб, черные, матовые, под тяжелыми веками, глаза, яркий рот, — и все это, как охлажденная лава, давно застыло. Каждое движение давалось ему с трудом, нельзя было представить его ни на спортивном, ни на бранном поле. Отсутствующий, равнодушный, скупающий без искусственного оживления вином, он вяло ковырял вилкой в тарелке, не выказывая никакого желания разговаривать. Гумилев, напротив, весь в порыве, как готовая полететь во врага или в небо серебряная стрела. С головы до ног *rig sang* (*безукоризненный — франц. Прим. Н. Я. Серпинской*) чистокровный военный, «мужчина-завоеватель», стремительный, напряженный, активный. Зорким глазом охотника вглядывался он в окружающих и подошел ко мне. Перед знаменитыми людьми искусства я теряла шелуху наносной стилизованной кокетливости, робела и терялась: так было с Брюсовым, Северяниным, впоследствии — с Блоком. Стихи Гумилева нравились мне меньше, чем покорившие, поглотившие всех лирических поэтесс интимные строки его бывшей жены Анны Андреевны Ахматовой. Но его жизнь, его личность всегда меня занимали своими ненасытными поисками необычайных приключений, своим абсолютным бесстрашием перед смертельной опасностью. <...> — Я сразу вас отметил. Вы сохранили еще черты настоящей женственности. Теперь женщины или какие-то обесполенные, окоженные, грозные амазонки, или размалеванные до неприличия девки, как эта ваша циркачка, такую раньше в хороший кафешантан не пустили бы! — сказал он, выйдя со мной из подвала столовой на воздух. На мне были надеты бобриковые зеленые ва-

ленки, потертая котиковая кофта, суконная шляпа-капор... Что он разумел под женственностью? Вот этот злополучный, мучающий меня беспомощно бессильный вид?! — Я помогу вам идти — вы упадете одна! — он протянул твердую руку. Чтоб его видеть, надо было вскидывать голову, настолько он казался выше меня, выше всех...

В моей комнате⁶⁵ он снял доху, рассказал, что зимой 1918 года в Лондоне получил ее в подарок от английского лорда, вывезшего несколько выделанных, искусно украшенных оленьих шкур из экспедиции на Крайний Север. — Орнамент даже в Лондоне производил фурор. Равнодушные, блазированные джентльмены и леди останавливались! Я не решилась спросить, почему в 1918 году он, георгиевский кавалер и русский поэт, оказался за границей, в Лондоне⁶⁶. Но он не нуждался в вопросах, чтоб говорить. Оживляясь, заряжаясь все более сверкающими молниями мыслей, он взлетел над землей, будто на высокую колокольню. Это был звон ударяемых колоколов, трубные звуки забытых архангелов-воинов, лязг щитов и мечей средневековых рыцарей. О, такому, конечно, не нужна сильная женщина современности! такому — привязать обессиленную, пассивную добычу к седлу. Привезти захваченную нежную даму в замок, посадить за решетчатое окно вышивать шарф и петь изящные песенки под аккомпанемент лютни и арфы... Понятно стало, почему слишком беспокойна и богемна оказалась для него поэтесса Анна Ахматова...

⁶⁵ Как вспоминала Серпинская вскоре после замужества в начале 1920-х годов, «считая, что муж и жена должны быть слиты воедино, бросила я легкомысленно двадцатиметровую московскую комнату на Поварской в руки одного досужего «друга», завладевшего ею всецело» (Наше наследие. 2003. № 65. С. 55). Так что прогулка с Гумилевым была недолгой.

⁶⁶ Подробно о пребывании Гумилева в Лондоне рассказано в публикации: «Поэт на войне-7». Но там предполагается, что свою знаменитую доху Гумилев привез из Мурманска, где он побывал на обратном пути в Россию. Это единственное свидетельство ее «лондонского» происхождения, и к нему следует прислушаться: обычно Гумилев в таких мелочах не врал, а выдумать это Серпинская, не знавшая даже, как и зачем он попал в Лондон, но точно указавшая, когда он там был, вряд ли могла.

Брезжил рассвет, когда он замолк и корректно ушел. Голова моя раскалывалась, мир разваливался, нельзя было дальше жить, не победив в себе древнего хаоса, разбуженного во мне... — Позер, — размахивал театральным оружием, бряцал доспехами красноречья, как средством оболыщения!.. — старалась я дискредитировать его сама перед собой, пролежав несколько дней на кровати пластом, скрывшись ото всех. Больше я Гумилева никогда не увидела. Осенью 1921 года узнала, что он был до предела искренен и по-своему последователен. Не актерство, а пророческое предвидение своей трагической судьбы, фатализм, не удержавший его от рокового заблуждения, полыхали пожаром вырвавшейся откровенности в ту кошмарную ночь, переполненную бредовым разговором»⁶⁷.

3 ноября был последним днем пребывания поэтов в Москве. Кузмин в дневнике записал: «3 (среда) Утром ходил на Сухаревку. Там всего очень много. Купил чая и мыла. Потом за пайком. Встретил там Гумилева. Дали вкусных вещей, насилу довели. В ЛИТО делили. <...> Насилу добрал до вокзала. Поезд со светом. <...>». Кузмин возвращался в Петроград, а Гумилев, получивший свою часть пайка, в тот же день отправился с ним в Бежецк к матери, жене и детям, где провел три дня. Там, по предложению местного отдела народного образования, прочел доклад о состоянии современной литературы в России и за границей, собравший громадное для уездного города количество слушателей. По просьбе местного литературного кружка обещал ходатайствовать о включении кружка в качестве подотдела во Всероссийский союз поэтов⁶⁸. Из Бежецка Гумилев вернулся в Петроград. Почему третьим ноября датирована дарственная надпись на книге А. Блока «Седое утро»: «Дорогому Николаю Степановичу Гумилева с приветом. 3 ноября 1920. Ал. Блок». Видимо, книга была подписана заранее, а подарена позже, так как Гумилева в этот день в Петрограде никак не могло быть.

⁶⁷ Серпинская-2003. С. 243—245.

⁶⁸ Труды и дни. С. 637.

Последний раз Гумилев побывал в Москвы в начале июля 1921 года, ровно за месяц до ареста. О том, как он туда попал (на обратной дороге из Севастополя в Петроград) было сказано в самом начале. В Москву поезд прибыл 2 июля и простоял там несколько дней, до 6-го июля. Об этом приезде Гумилева сохранились иногда противоречивые, но в чем-то дополняющие и уточняющие друг друга воспоминания Ольги Мочаловой (Мочалова-2004), Ирины Одоевцевой⁶⁹, Герасима Лугина⁷⁰ и С. М. Богомазова (Богомазов-1923). Их объединение и сопоставление позволило достаточно точно реконструировать все дни пребывания Гумилева в Москве.

Визит этот, в отличие от предыдущего, был незапланированным, и почти не отражен в официальных документах. На все выступления, в которых он участвовал и которые отражены в воспоминаниях, он приходил неожиданно, судя по всему, в одиночестве либо с каким-либо случайным сопровождающим. Основным местом жительства все эти дни оставался стоявший на запасных путях вагон, но появлялся он там достаточно редко, чаще останавливаясь в различных домах у знакомых, но иногда и приводя кое-кого в вагон для «дружеской» беседы. Только одно его выступление в эти дни отражено в официальной хронике и печати. Точных дат ни один из мемуаристов не указывает, так что приведенный ниже рассказ следует воспринимать как наиболее вероятную реконструкцию, которая, при появлении новых документов, может потребовать уточнения.

В день приезда, 2-го июля, состоялось его выступление в «Кафе поэтов» («Домино»), располагавшемся на Тверской улице, дом 18⁷¹. Как сказано в указанных воспоминаниях

⁶⁹ Одоевцева Ирина. На берегах Невы. М.: Художественная литература, 1988 (в дальнейшем: Одоевцева-1988).

⁷⁰ Публикация Р. Тименчика в журнале: Даугава. 1988. № 11. С. 105—111. (Глава «Московские ночи» из книги: Г. Лугин. 28°14'30 восточной долготы. Рига, 1933). (В дальнейшем: Лугин-1988).

⁷¹ В некоторых публикациях указывается, что «Кафе поэтов» размещалось на углу Тверской и Настасьинского пер., в современном доме по адре-

Э. Хруцкого, «раньше здесь находился дом 18 по Тверской улице. А в нем на первом этаже — знаменитое кафе поэтов «Домино». Интересно, что на втором этаже висела вывеска лечебницы для душевнобольных, и мы в редакции всегда говорили: «Пойдем в сумасшедший дом»». Сейчас это — угол Тверской, д. 4, и Камергерского переуллка. Этот участок Тверской улицы полностью реконструирован. При расширении улицы в 1930-е годы большинство домов по правой, четной стороне, были снесены, и от кафе ничего не сохранилось. Увидеть этот дом на углу Тверской и Камергерского пер. можно только на дореволюционной открытке...

Кафе тогда официально числилось за Всероссийским Союзом Поэтов, поэтические вечера которого проходили в нем

су Тверская, 18. Однако в документах и дневниковых записях 1920-х годов точно указан старый адрес: Тверская, 18. После реконструкции вся нумерация домов на Тверской улице было полностью изменена. Это же подтверждают воспоминания Э. Хруцкого (1933—2010) «Тени кафе Домино», легшие в основу одноименного, написанного им приключенческого романа (<http://lib.rus.ec/b/23191/read>). Подробнее о литературных кафе Москвы, и о наиболее известном из них кафе «Домино», смотрите публикацию: Литературные кафе 20-х годов / Публ. И. И. Аброскиной // Встречи с прошлым. Вып. 3. М.: Советская Россия, 1986. С. 164—181.

регулярно. Неподалеку на Тверской, 37 располагалось еще одно литературное кафе «Стойло Пегаса» (на углу Мал. Гнездииковского пер, левая сторона, ближе к центру, сейчас — Тверская, 15), тогдашняя вотчина имажинистов. Поэтические вечера 2 и 3 июля в этом кафе попали в официальную хронику⁷², на них присутствовали С. Есенин, А. Мариенгоф и др., но появления Гумилева там не отмечено. Упомянул про второе кафе здесь, так как иногда их путают. В кафе «Домино» Гумилев повстречался с Ольгой Мочаловой: «Я живу на Знаменке в квартире Мониных. <...> В жаркий июльский день 1921 года я иду в Союз поэтов — «Сопатку»⁷³, по хульному прозвищу Боброва. Какие ни есть, но Дешкин, Федоров, Ройзман, Мар, Вольпин, Адалис, Захаров-Мэнский, Кусиков, Шершеневич, Мариенгоф, Коган, Грузинов, Соколов — были тогда тем обществом, сужденья которого играли роль. Варвара <Монина> сидела у входа, она исполняла временно какие-то контрольные обязанности. Когда я вошла в кафе «Домино», она поспешила шепнуть: «Здесь Гумилев». Опять я подошла к нему, с кем-то беседующему. Помню быстрое движение, мгновенное узнавание. Мы вышли вместе на улицу. «Вы более прекрасны, более волнующи, чем я думал. И так недоступны». <...> В этот вечер мы расстались на углу у Ленинской библиотеки. Он шел ночевать во Дворец искусств. При расставании он быстро проговорил много бессвязных

⁷² Хроника-1920-х годов. Том 1. Часть 2. С. 114.

⁷³ От издававшегося коллективного сборника Союза поэтов «СОПО», первый выпуск которого вышел в 1921 году. Как сказано в воспоминаниях И. В. Грузинова в указанной выше публикации во «Встречах с прошлым», «после переоборудования кафе многие по-прежнему называли его «Домино», некоторые именовали его кафе поэтов, а некоторые — «СОПО» или фамильярно — «Сопатка». <...> В кафе «Домино» было два зала и маленькая комнатка. <...> В обоих залах кафе было множество миниатюрных столиков со стеклянными покрытиями. Под стеклянными покрытиями — оранжевая бумага. На эту бумагу, под стекло, поэты клали рукописи со своими стихами, а художники — свои рисунки: карикатуры и шаржи. Таким образом, в кафе поэтов никогда не прекращалась выставка стихов и графики» (Встречи с прошлым. Вып. 3. С. 169).

ласковых слов <...>⁷⁴. Об этой экзотической ночевке — чуть позже...

Видимо, Мочалова попала на этот вечер ближе к его концу, и самого выступления Гумилева там не слышала. Но на следующий день, когда они встретились, он ей рассказал: «Вчера в Союзе за мной по пятам все ходил какой-то человек и читал мои стихи. Я говорил — есть такое и такое есть... Он мне надоел. «Кто же вы? — спросил я. Оказалось, это убийца германского посла Мирбаха <...>. «Ну, убить посла — невелика заслуга, — сказал я, — но что вы сделали это среди белого дня, в толпе людей — замечательно»⁷⁵. Это был Яков Григорьевич Блюмкин (1898—1929); один из героев написанного вскоре стихотворения «Мои читатели»: «Человек, среди толпы народа / Застреливший императорского посла, / Подошел позвать мне руку, / Поблагодарить за мои стихи...».

Об этом знакомстве и о самом вечере более подробно рассказано у Г. Лугина: «Гумилев читал свои стихи в «Кафе поэтов» и вышел из этого испытания с честью. Читал, как обычно, — чуть глуша голос, придавая ему особую торжественность. Скрестив руки, вернее обхватив локти и чуть приподняв плечи, бросал он с эстрады свои строки. Стихи врезались в память, подчиняли себе, смиряли буйную вольницу презентистов, эгоцентристов, евфуистов и ничевоков, разбивших в этом кафе свое становье. <...> Гумилев читал «Молитву мастеров». <...> Прочтя «Молитву», Гумилев сухо отклонил приглашение послушать ничевоков и направился к выходу. Ему и его спутникам следовало подумать об ином — где ночевать? Беседуя о слышанном, перебрасываясь словами, пробирались мы к выходу под необыкновенный аккомпанемент. Кто-то неподалеку — должно быть, «про себя», но вслух — читал стихи Гумилева. <...> Стихи Гумилева читал не бледный юноша, не литературный денди, не истомленная ночными бдениями девушка. Стихами Гумилева опьянялся мужчи-

⁷⁴ Мочалова-2004. С. 100.

⁷⁵ Там же. С. 40.

на в кожаной куртке и в галифе казенного сукна. Крепко пришитая к плечам голова, крупные черты лица, обрамленного черной бородой, чуть кривоватые под тяжестью тела мускулистые, в обмотках, ноги. Лицо библейского склада. «Это что за Самсон? — вырвалось у Гумилева. <...> «Мне запомнились все ваши стихи» — расплылся в улыбке незнакомец. «Это меня радует» — и Гумилев, прощаясь, протянул незнакомцу руку. Тот, по-прежнему просто, пожимая протянутую руку, называет себя: «А я Блюмкин». Имя вызвало к жизни клочья воспоминаний о событиях и днях. Блюмкин... Брестский мир... германский посол граф Мирбах в Москве и смелое, неправдоподобно дерзкое убийство посла... выстрел и исчезновение среди бела дня убийцы — Блюмкина... Так вот он каков — Блюмкин... Стаяла чуть торжественная напыщенность Гумилева. По-юношески непосредственно вырвалось: «Вы — тот самый? «Да, тот самый». И снова рукопожатья и слова Гумилева, чуть напыщенные и церемонные: «Я рад, когда мои стихи читают воины и сильные люди»⁷⁶.

На этом вечере в кафе Гумилев подарил свою книгу переводов «Гильгамеш» писателю Лидину (1894—1979); инскрипт на книге гласит: «Владимиру Германовичу Лидину память московской встречи. Н. Гумилев. 2 июля 1921»⁷⁷. Возможно, Гумилев в этот раз был у Лидина дома. В «Деле В.Ч.К. № 214224», Л. 44, сохранилась изъятая при аресте записка: «Владимир Германович Лидин. Малая Никитская, 8, кв. 16». И тут же, на записке, чертеж, как найти дом⁷⁸.

Как поведала Мочалова, «в этот вечер мы расстались на углу у Ленинской библиотеки. Он шел ночевать во Дворец искусств. При расставанье он быстро проговорил много бес-

⁷⁶ Лугин-1988. С. 109—110. Г. Лугин — литературный псевдоним рижского литератора Герасима Александровича Левина (1900, Либава — 14.07.1941, расстрелян), подробнее о нем: Лугин-1988. С. 105—107.

⁷⁷ Хранилось в собрании В. Г. Лидина (Москва).

⁷⁸ Лукницкая-1990. С. 279—280.

связных ласковых слов»⁷⁹. Об этом ночлеге сохранился записанный Л. Горнунгом рассказ М. С. Богомазова, в нем фигурирует поэтесса Адалис, она же — Аделаида Ефимовна Ефрон (1900—1969): «С первого дня Николай Степанович заинтересовался поэтессой Адалис, акмеисткой в ту пору. Она жила во Дворце Искусств (дом графини Соллогуб на Поварской), и он чуть не в первый день отправился к ней. Она за неимением своей комнаты, жила там в нежилых, обставленных странной мебелью помещениях. Пустой дом на ночь запирался снаружи, и парадное и ворота. В полночь Адалис слышит сильный стук в стену камнем и громкий голос. Зовут ее по имени. На вопрос: кто это? следует ответ: «Это Гумилев. Я хочу к Вам войти». — «Дом заперт снаружи». — «Откройте окно». <...> Окно открывается и Николай Степанович лезет по водосточной трубе вполне успешно и своей отважностью сразу пленяет сердце Адалис. Так он просидел у ее ног всю ночь в изысканных разговорах»⁸⁰.

На следующий день, 3-го июля, Гумилев, как обещал, пришел к Ольге Мочаловой: «На другой день, по условию, он зашел за мной на Знаменку, и мы вместе вышли...» Гумилев не скрыл от нее, как провел ночь, вот пересказ Мочаловой: «Ночевать шел во Дворец искусств, пришлось перелезть через железную ограду. Встретился в доме с Адалис и долго с ней ночью разговаривал. О ней отозвался: «Адалис — слишком человек. А в женщине так различны образы — ангела, русалки, колдуньи. У вас в Москве нет легенд, сказочных преданий, фантастических слухов, как у нас». <...>». В другом варианте своих воспоминаний Ольга Мочалова продолжила рассказ об этом дне: «<...> Долго ходили по улицам и вышли к запасным путям Ленинградского вокзала, где стоял его поезд, назначенный к отправке через два дня. Н. С. ехал с юга домой. <...> Вагон был пуст, в купе мы остались вдвоем. Пили вино. <...>». Не будем приводить здесь детали весьма откровенного и недву-

⁷⁹ Мочалова-2004. С. 100.

⁸⁰ Богомазов-1923. С. 1.

смысленного рассказа Мочаловой... «<...> Он был в смятенном настроении. Что делать дальше? Писать стихи и только — уже нельзя. Быть ученым? Археологом? В купе было большое зеркало, в нем промелькнули наши образы рядом. <...> Просил простить, что не может проводить. Да я и не хотела. Надо было остаться одной. Домой пешком летела как пуля. Прощаясь у паровоза, сказал: «Если бы я мог найти здесь пещеру с драгоценными камнями — все было бы для Вас»»⁸¹.

Следующий день пребывания Гумилева, 4-го июля, понедельник, начался, судя по хранящимся в «Деле В.Ч.К. № 214224», л. 42, 43, изъятым при обыске запискам, с визита в Детский театр: «Александр Морицевич Данкман Управдел. и зав. фин. частью 1-го госуд. театра для детей — Неглинная ул., № 9, около Кремля. Между 12 и 2 ч. в понедельник. <...> Тел. домаш. Данкман — 37-86, тел. Детского театра — 2-86-63 <...> <режиссер Генриетта> Паскар — т. 2-99-21»⁸². Приведу здесь записанные Л. Горнунгом воспоминания С.М. Богомазова: «Сергей Михайлович, как бывший зав. литчастью Детского Театра, рассказывал, как они предполагали поставить «Дерево превращений». Зав. музчастью Шеншин написал к нему музыку. Было объявлено в афишах. На заседании театра педагогическая часть присутствующих была против, но они вдвоем отстояли пьесу. И все же вопрос о постановке пьесы замолк, и до сих пор остается открытым по разным причинам. Самую пьесу мне удалось получить в театре, напечатанную на машинке, полгода назад. Между прочим, в разговоре Сергей Михайлович вставил, что «Дерево превращений» было напечатано в каком-то журнале»⁸³. Отметим здесь, что этой пьесой открывался один из первых в Советской России детских театров, располагавшийся в Петрограде

⁸¹ Мочалова-2004. С. 39, 100—101.

⁸² Лукницкая-1990. С. 278—279. Дополнительная расшифровка по: Ти-менчик-2009. С. 359.

⁸³ Богомазов-1923. С. 2. Скорее всего, запись Горнунга и замысел постановки «Дерева превращений» в Москве относятся к более позднему периоду, когда, по понятной причине, она состояться уже не могла.

на Литейном проспекте, д. 51. Премьера прошла 6 февраля 1919 года⁸⁴. Пьеса стояла в репертуаре весь февраль и часть марта, по три спектакля в неделю — вторник, четверг и суббота.

Скорее всего, Гумилев в тот раз посетил театр или его контору⁸⁵ на Неглинной улице в связи с предполагаемой постановкой своей пьесы. Но какой пьесы сказать трудно, так как в одной публикации начала 1921 года обозначено⁸⁶, что в Москве театр для детей за первый год осуществил три 3 постановки и к осени намечены еще три пьесы, среди них названы «Том Сойер» (переделка В. Лидина) и «Царевна-Лебедь», пьеса Н. С. Гумилева⁸⁷. Еще раз это же подтверждено в майском номере журнала «Культура театра» (№ 6). Можно предположить, что в записке Гумилева подразумевается Государственный детский театр, директория которого располагалась по адресу: Бол. Дмитровка, 6⁸⁸ (в этом здании сейчас размещается Театр оперетты).

⁸⁴ Хроника-1920-х годов. Том 1. Часть 1. С. 350.

⁸⁵ По официальной информации с сайта нынешнего Молодежного театра на Театральной пл., Детской театр в Москве открылся через неделю после отъезда Гумилева, 13 июля 1921 года, но располагался он тогда в помещении кинотеатра «Арс» на Тверской ул., д. 23 (тогда — д. 61), где сейчас размещается театр им. К. С. Станиславского. Однако официальная «Хроника 1920-х годов» этого факта не подтверждает. Как выяснилось, первый театр для детей открылся в Москве 6 ноября 1918 г. как Первой детский театр Московского Совета. В 1920 году он был преобразован в Государственный детский театр и перешел в ведение Народного комиссариата просвещения. Руководила театром директория, возглавлял ее А. В. Луначарский. В 1921 г. был создан еще один театр — Московский театр для детей, впоследствии Центральный детский театр (ЦДТ), ныне — Российский академический Молодежный театр (РАМТ).

⁸⁶ Культура театра. Москва. 1921. № 4. 5 апреля. С. 59.

⁸⁷ По мнению Тименчика (Тименчик-2009. С. 341), речь здесь идет о порученной первоначально А. Блоку инсценировке пушкинской «Сказки о царе Салтане», которую, после отказа Блока, взялся написать Гумилев, назвав ее «Царевна-Лебедь».

⁸⁸ Вестник театра. Москва. 1920. № 50. 29 января — 4 февраля. С. 13.

После посещения театра Гумилев снова встретился с Ольгой Мочаловой: «Мы виделись еще. Ходили по улицам. <...> Вот мы стоим у входа в Союз поэтов. Я упорно говорю: «Не люблю». Полушутя, полуболезненно он отвечает: «Зная свою власть надо мной, Вы пользуетесь ею, чтобы ранить меня». Мы идем по Лубянской площади. <...> Мы сидели на ступеньках Храма Спасителя. Нежно, нежно, тихо, как бы издалека, звал меня: «Оля! Оля!» Я замирала, боясь на него взглянуть. <...> <В этот день> он выступал в Доме Герцена⁸⁹ и не имел успеха у тамошней публике. «Третьестепенный брюсенок», — отозвался о нем тогдашний литературный заправила Василий Федоров. «Поэт для обольщения провинциальных барышень», — судила Надежда Вольпин. Он многим не нравился»⁹⁰. В этот день, как следует из недавно изданной официальной хроники литературной жизни России 1920-х годов, в Доме Герцена прошло «Исполнительное собрание» Всероссийского Союза писателей: «Выступают А. Глоба (пьесы «Продавец мяса» и «Игрище-чудодействие») и Н. Гумилев (стихи из книг «Огненный столп» и «Шатер»); в обсуждении — Н. Гумилев, Н. Бруни, Н. Абрамович, И. Эйгес, Г. Левин <псевдоним Г. Лугин>, С. Григорьев и Б. Куфтин»⁹¹. В «Деле В.Ч.К. № 214224», Л. 44, сохранилась изъятая при аресте записка, касающаяся этого выступления: «ВСП. Тверской бульвар, 25 (особняк во дворе). Союз писателей (понедельник в 9 ч.)»⁹².

После этого выступления Гумилев, Ольга Мочалова и выступавший на собрании Николай Бруни отправились к заранее пригласившему их Борису Пронину. Как рассказывает Мочалова, «мы шли втроем: он, Николай Бруни, я. Николай Бруни — священник, летчик, переводчик авиационной ли-

⁸⁹ Тверской бульвар, 25. Там тогда размещался Всероссийский Союз писателей, а в наши дни его занимает Литературный институт.

⁹⁰ Мочалова-2004. С. 101—102.

⁹¹ Хроника-1920-х годов. Том 1. Часть 2. С. 115.

⁹² Лукницкая-1990. С. 280.

тературы⁹³. В узком проходе мы остановились, <Гумилев> сказал: «Сначала должен пройти священник, дальше женщина и поэт». Борис Пронин — основатель кафе «Бродячая собака» <...> оказался в то время жителем Воздвиженского переулка⁹⁴ и, встретившись с Гумилевым, предложил посетить его вечером, почитать стихи. Его квартира в глубине квартала с перепутанными ходами оказалась труднодоступной. Мне пришлось спрыгнуть с каменной стены прямо в разъяренный собачий лай. На вечере был Сологуб, тихий и затягивающий в омут своей тишины. Некий художник жаловался мне на горсть ненайденного пути. Я читала свое стихотворение «Полями» и Гумилев сказал: «Эти строки Вы должны были бы прочесть мне раньше»⁹⁵.

В этот вечер у Пронина собралось много гостей, одним из них был оставивший воспоминания Г. Лугин: «Пронин обитал в небольшой комнатке, в прошлом не то ателье фотографа, не то мастерской художника. Единственное, что врезалось в память — это обилие стекол — стеклянная стена, стеклянное окно в потолке — и живопись Судейкина. Картин у Пронина больше, чем стульев. Пошли ли стулья в печь, отапливалось ли зимою это ателье мебелью, — или вообще стульев не было, — не знаю. Но Пронина это не смущало, так же как не смущал неожиданный приход гостей, появление новых лиц. Кое-

⁹³ Про Бруни — не точно. Николай Александрович Бруни (1891—1938) был незаурядной личностью, поэтом, участником 1-го, Гумилевского Цеха поэтов, печатался в «Гиперборее» и другой периодике; как и Гумилев, ушел добровольцем на Первую мировую войну, опубликовал «Записки санитар-добровольца», в 1916 году окончил Школу авиаторов, полный Георгиевский кавалер; в 1918 году принял сан священника, служил в арбатской церкви Николы на Песках — современникам запомнилась панихида, которую он служил по А. Блоку; не эмигрировал, позже вернулся в авиацию, но в 1934 году был репрессирован, причем, находясь в заключении, создал в 1937 году памятник А. Пушкину в Ухте. В 1938 году расстрелян. Посмертно реабилитирован (Русские писатели-1. С. 330; Лугин-1988. С. 110—111).

⁹⁴ Адрес Б. Пронина: Крестовоздвиженский переулок, д. 9, кв. 12; это на углу с Воздвиженкой, рядом с РГБ.

⁹⁵ Мочалова-2004. С. 102.

как разместились вокруг самовара — Гумилев, <...>, Бруни, Пронин. Позднее пришли Федор Сологуб с Ан. Н. Чеботаревской. И до утра, вкруговую, читали стихи, запивая их чаем и какой-то терпкой кислятиной. Кислятину эту гостеприимный Пронин именовал вином. Эти часы у Пронина стали памятными не потому, что в них были Гумилев или Сологуб, — этим часам я обязан встречей с Бруни»⁹⁶. А Мочаловой этот вечер запомнился, как последняя встреча с Гумилевым: «Когда я уходила, Н.С., спускаясь с лестницы, требовательно протянул меня к себе, как уже признанный завоеватель. Я отбилась. Он опустил руки, сказав: «Амазонка». Я вернулась на Знаменку. Прощаясь, мы договорились, что завтра в 12 часов он за мной зайдет. Он не пришел. Мы больше не виделись. А ведь в тот день было очень нежелательное впечатление: шла рядом с нами по улице некая дамочка, виляющая телом, слащаво-фамильярно произносила: «Гум здесь». Я ее ненавидела. Затем пришла весть о расстреле Н. С. 25 августа 1921 года»⁹⁷.

Среди бумаг «Дела В.Ч.К. № 214224», Л. 51, сохранилась полученная вечером того же дня записка от еще одной питерской знакомой, оказавшейся в Москве: «Москва 4.07.21. Уважаемый Николай Степанович. Случайно узнала, что вы в Москве и собираетесь завтра домой. Во-первых, хотела предложить поехать вместе т.к. тоже завтра уезжаю в Питер. Ждала Вас здесь до 9 ч. вечера, но дальше мне ждать совершенно нет времени. Будьте милым, если успеете позвоните мне по тел. сегодня до 1 ч. ночи № 44884. Вызовите меня. Если Вы завтра по чему-либо не уедете, я позвоню в среду сразу по приезде Анне Николаевне и передам, что Вы живы, здоровы и собираетесь обратно домой. Желаю всего лучшего. Ваша верная ученица и почитательница Ольга Зиф»⁹⁸. Ольга Максимовна Зиф (1904—1963) была поэтессой, студисткой Гумилева, участницей организованного им поэтического кружка «Звучащая

⁹⁶ Лугин-1988. С. 110.

⁹⁷ Мочалова-2004. С. 102.

⁹⁸ Лукницкая-1990. С. 281; ПСС-8. Письма к Гумилеву. № 51. С. 266, 619.

раковина». Скорее всего, именно Ольга Зиф сообщила Гумилеву адрес Ирины Одоевцевой, хорошо знавшей обоих, и Гумилев решил сделать сюрприз Одоевцевой, изменив свои планы и, не зайдя на следующий день за Ольгой Мочаловой, с утра отправился к Одоевцевой.

Кто был этой упомянутой Мочаловой ненавистная «дамочкой», сказать трудно, но наверняка не Ирина Одоевцева (как иногда утверждает), которую Гумилев разыскал на следующий день, 5-го июля, в Москве, на Басманной улице, где она уже месяц гостила у брата, покинув Питер почти одновременно с Гумилевым, отправившемся в Севастополь. Как она вспоминала, утром соседка сообщила ей, что ее спрашивает какой-то гражданин: «Меня? Должно быть, ошибка... Я никого здесь не знаю. <...> Я бросаю карандаш и бегу в прихожую. У окна стоит Гумилев, загорелый, помолодевший, улыбающийся, в белой парусиновой шляпе, лихо сдвинутой набок. <...> «Как же вы меня разыскали?» — «Я ведь хитрый, как муха», — отвечает он весело. Это хвастливое «хитрый, как муха» показатель его особенно хорошего настроения. — «Я только утром приехал и завтра пускаюсь в обратный путь. Но сегодня, — он поднимает указательный палец, — я все же задам пир на весь мир. Быстрота и натиск. Буду вечером выступать в Доме искусств. Ну, как же без вас? К тому же тут Сологуб со своей Анастасией Николаевной. Он тоже придет на мой вечер. Я вас с ним познакомлю. Ах, как я чудесно плавал...<...>»⁹⁹. Указав точно дату своего отъезда, Гумилев, по понятным причинам, лукавил, сказав что приехал только утром.

«И вот уже вечер — «Вечер Гумилева во Дворце Искусств»¹⁰⁰. Но определение «пир на весь мир» совсем не подходит ему. Гумилев выступает не в большом зале, где обычно

⁹⁹ Одоевцева-1988. С. 247.

¹⁰⁰ Знакомый по поездке 1920-го года Дворец Искусств на Поварской, 52. Хотя следует оговориться — по другим источникам описанный Одоевцевой вечер состоялся не в Дворце искусств, а все в том же Союзе поэтов, в кафе «Домино», на Тверской, д. 18; в указанной выше «Хронике-1920-х годов» он никак не отражен.

венно происходят литературные вечера, а в каком-то маленьком длинном помещении, заставленном рядами стульев. Даже эстрады нет. Гумилев сидит за столиком на расстоянии аршина от первого ряда. Но он, по-видимому легко переживает это «отсутствие пространства», эту «скучную скученность» и, попирая «скудные законы естества», чувствует себя триумфатором и победителем. Слушателей немного — и они, — это как-то сразу чувствуется — настроены не в унисон Гумилеву. Стихи его не «доходят» до слушателей. Рядом со мной Сергей Бобров, автор «Лиры Лир», как всегда взъерошенный, несмотря на духоту и жару в зеленом измятом непромокаемом пальто. Он криво усмехается, не скрывая презрения. В Москве нас, петербуржцев, презирают, считают «хламом и мертвечиной», о чем мне без стеснения и обиняков было заявлено при первом моем посещении Союза Поэтов <...> В первом ряду Сологуб. Я сразу узнаю его по портрету Юрия Анненкова. <...> Он слушает с отсутствующим видом, застыв в собственном величии и никак нельзя понять, нравится ему или нет. Но большинству слушателей, я чувствую, стихи Гумилева совсем не нравятся. Это не только равнодушная, это враждебная аудитория. Правда выбор стихов неудачен. Гумилев, как будто нарочно, читает то, что должно вызвать здесь в Москве, отталкивание: «Душа и тело», «Персидскую миниатюру», «Молитву Мастеров», «Перстень»... Нет, всего этого здесь читать не надо было. И в особенности — «Либерию». Зачем? Зачем он читает эту «Либерию»? <...> Гумилев кончил, встает и кланяется. Жиденькие аплодисменты, я напрасно отбиваю себе ладони, стараясь «подогреть аудиторию». <...> Слушатели шумно спешат к выходу, как ученики после скучного урока. Я растерянно остаюсь на своем месте. Гумилев подходит ко мне. Весь его вид свидетельствует о том, что вечер прошел, как нельзя лучше, и он очень доволен и рад. «А вас ждет приятный сюрприз, — говорит он мне улыбаясь. — Мы сейчас отправимся с Федором Кузьмичем и Анастасией Николаевной к Пронину. Он и вас пригласил, — широкий жест в сторону. — Позвольте вам представить Бориса Константино-

вича Пронина. И сразу из-под протянутой руки Гумилева, как из под земли, появляется Пронин...»¹⁰¹

Очевидно, что два вечера подряд Гумилев провел у Пронина, в компании Сологуба, в первый раз — с Мочаловой, во второй раз — с Одоевцевой¹⁰². Далее Одоевцева описывает визит к Пронину, на этот раз гостей у него было немного: «Мы идем к Пронину все вместе — Сологуб и Анастасия Николаевна, Гумилев и я. У Пронина — и это очень удивительно, в Москве большая пустая квартира. В ней явно никто не живет. Пустая не только оттого, что не видно и не слышно обитателей-жильцов, но и благодаря отсутствию мебели. В комнате, в которую Пронин нас вводит, стоит только длинный некрашенный кухонный стол. Но Пронин, с грохотом и шумом, сразу вкатывает в нее кресло с высокой спинкой, вносит венский стул, табуретку и маленькую вышитую бисером скамеечку для ног. Все размещены по рангам. Сологуб восседает, а не просто сидит, на кресле с высокой прямой спинкой. Рядом с Сологубом, на венском стуле, его жена Анастасия Николаевна Чеботаревская, маленькая, смуглая, вечно встревоженная <...> Гумилев сидит на некрашеной табуретке. Сам хозяин без пиджака, в неестественно белой по тем временам рубашке, пристроился на углу большого кухонного стола. Мне досталась скамеечка, с которой я и смотрю на Сологуба снизу вверх — вся внимание и слух. Разговор, несмотря на дружные старания Гумилева и Пронина, совсем не клеится. <...>»¹⁰³. Далее многословный рассказ Одоевцевой относится более к Сологубу, рассуждавшему в этот вечер о бессмертии: «<...> — У меня о бессмертии возникла целая теория. Видите ли... — Он задумывается. — Нет, это слишком сложно. В двух словах не объяснишь. К тому же пора

¹⁰¹ Одоевцева-1988. С. 249—250.

¹⁰² Замечу, что в этом месте Одоевцева вставила в книгу «литературный сюжет» — описанную выше и позже пересказанную ей самим Гумилевым свою встречу с Блюмкиным в первый день в кафе «Домино». Одоевцева не могла не вставить в книгу столь выигрышный сюжет, свидетельницей которого никак не могла быть.

¹⁰³ Одоевцева-1988. С. 251—252.

расходиться. Завтра мы с Анастасией Николаевной, да и вы, Николай Степанович, пускаемся в обратный путь. И потому... Он встает со своего трона. И все, как по команде, оживают, встают, начинают двигаться и говорить. <...> Мы вчетвером спускаемся по лестнице. Пронин успел опередить нас и распахивает перед Сологубом входную дверь. К подъезду, будто они только и ждали нашего появления, подкатывают несколько извозчиков. <...> Пронин широким распорядительским жестом приглашает Сологуба и Анастасию Николаевну сесть в его пролетку и бережно подсаживает их обоих. Происходит новый обмен прощальными приветствиями и пожеланиями счастливого пути. Только после отбытия Сологуба Гумилев принимается за выборы достойного возницы для нас. Делает он это со вкусом и знанием дела. — У этой буланой, верно, хорошая рысь, по ушам вижу. Я сажусь в пролетку. Меня никто не подсаживает — ни Пронин, ни Гумилев. Мы прощаемся с Прониным. Он машет рукой: — Кланяйтесь Петербургу! <...> Мы едем по незнакомым ярко освещенным улицам. Здесь в Москве НЭП уже цветет пышно, не то, что у нас в Петербурге. Гумилев рассказывает мне о своем плавании с адмиралом Немитцем. <...> Я живу на Басманной. К сожалению, это недалеко, и мы уже приехали. И уже надо прощаться. На целых три дня. — Не вздумайте откладывать отъезд, — говорит Гумилев. — Чего вам тут сидеть? У меня куча проектов. Откроем Дом поэтов. Весело проживем».¹⁰⁴ До его ареста в этот вечер оставалось ровно четыре

¹⁰⁴ По официальной хронике, Клуб поэтов в Петрограде, разместившийся в доме Мурузи, на углу Литейного пр. и Спасской ул., открылся как раз в эти дни, 4 июля (Хроника-1920-х годов. Том 1. Часть 2. С. 115). Однако, судя по сохранившемуся среди изъятых бумаг «Дела В.Ч.К. № 214224», Л. 75, документу, заработал он чуть позже, дождавшись своего председателя: «Пригласительный билет. Всероссийский Союз поэтов. Просим Вас пожаловать на открытие клуба Союза, состоявшееся в июля. Литейный, 24, дом Мурузи. Постоянные билеты для входа в клуб продаются в помещении Клуба. Начало программы в 9 час. веч. Повестку просят обязательно предъявлять при входе. Президиум». Дата не проставлена. В указанной «Хронике-1920-х годов» приводится описание «Поэзо-клуба» из Красной газеты от 20 июля: «Хорошее помещение, прекрасная мебель, богатая

недели... В «Трудах и днях» Лукницкого эти несколько дней отражены лаконично, но относительно точно: «Со 2 по 6 июля. В Москве. Вечером 2 июля был в кафе «Домино» (где помещался «Московский Союз поэтов»). Встреча здесь с О. А. Мочаловой и Мониной. Ночевал во Дворце искусств у Адалис. 4 июля — встреча с Б. Прониным. Вечером — в Союзе писателей, где читал Андрей Глоба; Н. Г. прочел несколько стихотворений. После Союза писателей вместе с Н. А. Бруни, О. А. Мочаловой и неким Левиным был у Б. Пронина. Здесь — встреча с Ф. К. Сологубом. У Пронина прочел шуточную поэму о петербургских поэтах («Сказку о золотой свинке»?). 5 июля вечером — в Союзе поэтов (кафе «Домино»). Встреча с Б. Прониным, И. Одоевцевой, Н. А. Бруни, О. А. Мочаловой и убийцей Мирбаха — Блюмкиным. После Союза поэтов — у Б. Пронина. 6 июля уехал в Петроград»¹⁰⁵. Единственные неточности: Гумилев не мог допустить «пересечения» Одоевцевой и Мочаловой, и во второй раз Мочаловой у Пронина не было; с Блюмкиным Гумилев встретился в первый свой визит в кафе «Домино».

Отдельные листы из «Дела В.Ч.К. № 214224» называют еще несколько московских адресов, где мог побывать Гумилев в эту поездку. Лист 66: «Александр Иванович Венедиктов. Москва, Тетеринский пер., д. 12, кв. 27 (относительно поэмы «Мери из Владивостока»)»¹⁰⁶. Действительно, А. И. Венедиктов (1896—1970) был писателем, хорошим знакомым М. Кузмина. Упомянутая в записке поэма была опубликована: Литературная мысль. Альманах № 2. Петроград. Изд-во Мысль, 1924. В этом же выпуске альманаха опубликованы стихи А. Ахматовой.

отделка — это внешность, а внутреннее содержание клуба? Весь нерв клубной жизни — это пирожные... В Клубе поэтов выступают Гумилев, Георгий Иванов, Нельдихен и другие поэты — все противники пролетарской поэзии... Они ищут новые формы — и находят их под созвездием пирожных, в атмосфере рыночно-спекулятивной». Можно предположить, что инициатором пирожных был обожавший их Гумилев.

¹⁰⁵ Труды и дни. С. 705.

¹⁰⁶ Лукницкая-1990. С. 284.

Представляет интерес упоминание на записке в «Деле В.Ч.К. № 214224», л. 45, имени давнишнего знакомого Гумилева: «Иван Александрович Аксенов. Мясницкая. Малый Харитоньевский пер., дом 4». В своих воспоминаниях О. Мочалова приводит много фраз Гумилева, сказанных как бы от первого лица. Очевидно, что он рассказал ей о встрече с Аксеновым: «Моим шафером в Киеве был Аксенов. Я не знал его, и, когда предложили, только спросил — приличная ли у него фамилия, не Голопупенко какой-нибудь?»¹⁰⁷ И .А. Аксенов (18.11.1884, Путивль — 3.9.1935, Москва) был поэтом, литературным и художественным критиком, переводчиком. Входил в группу «Центрифуга», позже примкнул к объединению конструктивистов. После революции служил на высоких постах в Красной армии, ВЧК, был ректором театральных мастерских при Театре им. В. Э. Мейерхольда¹⁰⁸.

А за 11 лет до этого, 25 апреля 1910 года, И. А. Аксенов, вместе с В. Ю. Эльснером (1886—1942), тоже поэтом, был шафером на венчании Гумилева и Ахматовой в церкви села Никольская Слободка под Киевом. В связи с упоминанием имен Аксенова и Ахматовой хочется привести здесь еще одно «московское свидетельство», в котором упоминаются два эти имени. Это письмо, посланное Мариной Цветаевой Анне Ахматовой в августе 1921 года, когда до нее дошли слухи о самоубийстве Ахматовой после расстрела Гумилева. Особо хочу обратить внимание читателей на мистическое совпадение даты, обозначенной Цветаевой в этом письме, с другой датой из ее собственной биографии:

«31-го русского августа 1921 г.

Дорогая Анна Андреевна! Все эти дни о Вас ходили мрачные слухи, с каждым часом упорнее и неопровержимей. Пишу Вам об этом, потому что знаю, что до Вас все равно дойдет — хочу, чтобы по крайней мере дошло верно. Скажу Вам, что единственным — с моего ведома — Вашим другом (друг —

¹⁰⁷ Мочалова-2004. С. 40.

¹⁰⁸ Подробнее о нем смотрите: Русские писатели-1. С. 41—42.

действие!) — среди поэтов оказался Маяковский, с видом убитого быка бродивший по картонажу «Кафе Поэтов».

Убитый горем — у него, правда, был такой вид. Он же и дал через знакомых телеграмму с запросом о Вас <...>.

Эти дни я — в надежде узнать о Вас — провела в кафе поэтов — что за уроды! что за убожества! что за ублюдки. Тут все: и гомункулусы, и автоматы, и ржущие кони, и ялтинские проводники с накрашенными губами. Вчера было состязание: лавр — титул *соревнователя* в действительные члены Союза. <...>

На эстраде — Бобров, Аксенов, Арго, Грузинов. — Поэты. И — просто шантаные номера... Я, на блокноте, Аксенору: «Господин Аксенов, ради Бога, — достоверность об Ахматовой». (Был слух, что он видел Маяковского). «Боюсь, что не досизу до конца состязания».

И учащенный кивок Аксенова. Значит — жива.

Дорогая Анна Андреевна, чтобы понять этот мой вчерашний вечер, этот аксеновский — мне — кивок, нужно было бы знать три моих предыдущих дня — *несказанных*. Страшный сон: хочу проснуться — и не могу. Я ко всем подходила в упор, вымаливала Вашу жизнь. Еще бы немножко — я бы *словами* сказала: «Господа, сделайте так, чтобы Ахматова была жива!»... Утешила меня Аля: «Марина! У нее же — сын!»

Вчера после окончания вечера просила у Боброва командировку: к Ахматовой. Вокруг смеются. «Господа! я вам десять вечеров подряд буду читать бесплатно — и у меня всегда полный зал!»

Эти три дня (*без Вас*) для меня Петербурга уже не существовало, — да что Петербурга... Вчерашний вечер — чудо: «Стала облаком в славе лучей».

На днях буду читать о Вас — в первый раз в жизни: питаю отвращение к докладам, но не могу уступить этой чести другому! Впрочем, все, что я имею сказать, — осанна!

Кончаю — как Аля кончает письма к отцу:

Целую и низко кланяюсь. М. Ц.»¹⁰⁹

¹⁰⁹ Марина Цветаева. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Эллис Лак, 1995. С. 201—203. (http://imwerden.de/pdf/tsvetaeva_sochineniya_tom_6_1995_text.pdf).

Цветаева проставляла даты по старому стилю, здесь — 31 августа, т. е. 13 сентября 1921 года. Письмо касается слухов о самоубийстве любимого поэта. О том, что случилось с самой Цветаевой ровно через 20 лет после обозначенной ею даты, 31 августа 1941 года в Елабуге — можно не напоминать... В 1921 году, первым, кто принес ей «благую весть» — был И. А. Аксенов, судьбы Ахматовой и Гумилева, с которым он недавно виделся, были ему не безразличны.

Но вернемся в июль 1921 года. 6 июля, в среду, Гумилев, как и сказал Одоевцевой, выехал в Петроград, предполагая, что вскоре снова будет в Москве. Об этом говорит полученное им в последних числах июля письмо, сохранившееся в «Деле В.Ч.К. № 214224», л. 81—82. Там оно не атрибутировано, по этой причине письмо не вошло в 8-й том ПСС, хотя очевидно, что написано оно Б. К. Прониным. Как описывает его публикатор, «на каких-то чертежах — кругах, квадратах, треугольниках — крупными буквами, торопливо:

Москва, 26 июля, 21 г.

Крестовоздвиженский пер. 9, кв. 12.

«Собака» — Арбата 7, тел. 1-42-87

Cher maître!

«Особняк» открылся 11-го в понедельник! Подробно тебе все расскажет Пяст. Я доволен и не доволен, очень нервничаю, но думаю, что все образуется и войдет в колею. Мне показалось, что вчера уже пара колес этой колымаги взошла на рельсы, что будет дальше, покажет время. Из рассказа Пяста и прилагаемой повестки на текущую неделю ты усмотришь и сообразишь многое из программной жизни «Особняка», которая пока что приняла такие формы. Но они в ближайшие дни должны измениться: в помещении есть прекрасно оборудованная сцена и зрительный зал на 200 мест с ложей. В ближайшие дни начнется работа на этой сцене. Сообщи мне свои репертуарные соображения применительно к себе (твои вещи, написанные уже и задуманные) — и вещи других из новых и старых, и очень старых.

Теперь о выступлениях в Москве у нас петербургских поэтов.

Как обстоит дело с поездкой группы в Крым? Хотелось бы устроить вечер Одоевцевой и Жоржа. Потом М. Кузмина отдельно. Блока, Чуковского, твой тоже отдельно. Диспут Мейерхольд — Чуковский и т. д. (м. б., А. Л. Волынский).

Бюджет вечеров: пока что гарантировать может от 200 000 до 350 000 в вечер. В случаях большого сбора увеличить эту сумму на несколько процентов.

Останавливаться все эти прекрасные люди будут конечно у меня, в моем знаменитом сарае...

На этом письмо обрывается, подписи нет, но если провести небольшое исследование, автор обнаружится, а письмо восполнит любопытную страницу в литературной жизни Серебряного века...»¹¹⁰

Проведенное «небольшое исследование» показало, что подпись и не требуется, так как отправитель указал хорошо знакомый нам адрес в Крестовоздвиженском переулке. Это адрес Б. К. Пронина. В хронике зафиксировано, что 11 июля, в Москве, состоялось «открытие клуба «Литературного особняка» в помещении бывшего театра «Паризьен» (Арбат, 7)»¹¹¹. Об этом сообщалось в журнале: Театральная Москва. 1921. № 11/12. С.8. Так что основатель «Бродячей собаки» и в Советской Москве продолжил дело, начатое в Петрограде 31 декабря 1911 года. Можно предположить, что если бы не трагические события августа 1921 года, все намеченные в письме планы были бы осуществлены. И «большая пустая квартира», как она представилась Одоевцевой, и которую сам Пронин, видимо, воспринимал, как «мой знаменитый сарай», вскоре бы заполнилась петербургскими поэтами, среди которых частым гостем должен был стать Гумилев. Осенью состоялась бы премьера в Детском театре неизвестной нам пьесы «Царевна-Лебедь». И нельзя исключить возможность скорого переезда ее

¹¹⁰ Шенталинский-2007. С. 222—223.

¹¹¹ Хроника-1920-х годов. Том 1. Часть 2. С. 119.

автора, как в Москву, так и в противоположном, западном направлении, куда вскоре устремились многие его соратники. Но так как случиться этому было не суждено, на этом я вынужден завершить рассказ о том, что связывало Николая Гумилева с Москвой.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Московские адреса Гумилева

В ранее опубликованной работе М. Г. Козыревой и В. П. Петрановского «Основные места, связанные с жизнью и деятельностью Н. С. Гумилева» (Исследования-1994. С. 626—631) ни одного московского адреса — не указано. Дополню этот список.

1901 — 1912

Николаевский и Казанский вокзалы — Комсомольская пл.

Редакция «Весов» и «Скорпиона» в гостинице Метрополь — Театральный пр, д.1/4.

Гостиница «Вокзальная» — Домниковская ул., д. 35 (начало проспекта Сахарова).

Гостиница «Славянский базар» — Никольская ул., д. 17.

Квартира Брюсова до 1910 г. — Цветной бул., д. 22.

Квартира Брюсова после 1910 г. — 1-я Мещанская (пр. Мира), д. 30.

Гостиница Метрополь, с Ахматовой — Театральный проезд, д. 1/4.

Дом Андрея Белого (был с Ахматовой) — Арбат, д. 55.

Редакция «Русской мысли» — Воздвиженка, Ваганьковский пер., д. 3 (дом Куманина).

1920 — 1921

ЛИТО — Сретенский бул., д. 6 (Бывш. Страховой общество Россия).

Дворец Искусств — Поварская, д. 52. Там же — «Брюсовский институт», или ВЛХИ.

Политехнический музей — Новая пл., д. 3/4.

Квартира Коганов — Арбат, д. 51, вход в подъезд со двора.

Дом печати — Никитский бул. д. 8а (Дом журналиста).

Кафе «Домино», оно же «Союз поэтов» — Тверская, д. 18 (теперь — Тверская, д. 4).

Всероссийский Союз писателей — Дом Герцена, Тверской бул., д. 25.

Адрес Ольги Мочаловой — улица Знаменка.

Адрес Н. Я. Серпинской — Поварская ул.

Адрес Б. К. Пронина — Крестовоздвиженский пер., д. 9, кв. 12.

Детский театр — Неглинная ул., д. 9.

Адрес И. Одоевцевой — Басманная ул.

Адрес Немитца — Брюсовский пер., д. 10/1.

Адрес В. А. Павлова — Тверской бул., д. 9.

Адрес В. Г. Лидина — Малая Никитская, д. 8, кв. 16.

Адрес И. А. Аксенова — Мясницкая ул., Малый Харитоньевский пер., д. 4.

Адрес А. И. Венедиктова — Тетеринский пер., д. 12, кв. 27.

«Литературный особняк» — Арбат, д. 7.